

ИСТОРИЯ СТРАНЫ В СУДЬБАХ УЗНИКОВ СОЛОВЕЦКИХ ЛАГЕРЕЙ

17 Рубин
10 Володин
27 Дамаскин
23 Недзвонков
Выпуск 1

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Соловецкий государственный историко-архитектурный
и природный музей-заповедник»

**История страны в судьбах узников
Соловецких лагерей**

*Сборник статей и докладов
научно-практической конференции*

Выпуск 1

Соловки – 2016

Печатается по решению научно-методического совета
Соловецкого музея-заповедника.

Ответственный редактор-составитель – А. П. Яковлева.

Редакционный совет:

А. Я. Мартынов (председатель), О. Г. Волков, Т. А. Новинская,
Л. А. Петровская, Т. В. Шилова.

История страны в судьбах узников Соловецких лагерей.

Сборник научных статей и докладов. Вып. 1 / Отв. ред.-сост. А. П. Яковлева.
Соловки, 2016 – 316 с.

Сборник содержит материалы научно-практической конференции «История страны в судьбах узников Соловецких лагерей», проходившей на Соловках 13–14 июля 2015 г. Авторы статей – исследователи и родственники заключенных. В книге широко представлены новые и малоизвестные документы из государственных, ведомственных и личных архивов. Издание адресовано историкам, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется отечественной историей.

© Соловецкий музей-заповедник, 2016

© Авторы статей, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Иерей Александр Мазырин.

**Русская церковь в горниле большевистского
террора (1917–1939).....5**

Яковлева А. П.

За что священников ссылали на Соловки (1923–1927).....22

Волков В. О., Дащинская М. В.

**Семья священномученика Николая Пискановского –
подвижники веры.....49**

Монахиня Никона (Осипенко).

Старец Елисей – соловецкий иеромонах и соловецкий узник.....74

Архимандрит Ианнуарий (Недачин).

**Четыре русских эпохи в судьбе профессора
Ивана Михайловича Андреевского.....91**

Бочкарева О. В.

Георгий Михайлович Осоргин.....112

Осоргин Г. М.

**Георгий Михайлович Осоргин (1893–1929) или четыре поколения
семьи Осоргиных и их служение Церкви.....145**

Головкова Л. А.

Мученики Великого Водного пути на Бутовском полигоне.....159

Лоевская М. М.

**Страницы истории: судьба соловецкого узника
архимандрита Феодосия (Алмазова).....177**

Яковлева А. П.

**Девять арестов священника
Николая Соколова из Сольвычегодска.....197**

Иерей Вячеслав Умнягин.

Подвиг утверждения человека в себе...

**Побег в воспоминаниях соловецких узников
(нравственный и религиозный аспекты).....226**

Яндиева М. Д.

**Созерко Артаганович Мальсагов –
соловецкий узник, свидетель, обличитель.....241**

Панченко О. В.

Д. С. Лихачев – свидетель и летописец истории Соловков.....251

Список сокращений.....304

Сведения об авторах.....306

Именной указатель.....307

Д. С. ЛИХАЧЕВ – СВИДЕТЕЛЬ И ЛЕТОПИСЕЦ ИСТОРИИ СОЛОВКОВ

Годы, проведенные в Соловецком лагере, Д. С. Лихачев считал самыми важными в своей жизни. Здесь его окружали замечательные люди – последние представители культуры Серебряного века (А. А. Мейер, Г. О. Гордон, Ю. Н. Данзас, А. П. Сухов, Н. Н. Горский). В этот же круг входили и его ровесники – поэты В. Кемецкий, Ю. Казарновский, Д. Шипчинский, философы Бардыгин, В. Раздольский и многие другие. На Соловках Д. С. Лихачев встретил и замечательных представителей русского духовенства, которым посвятил отдельный очерк в своих «Воспоминаниях»: епископа Виктора Вятского, отца Александра Филипенко, протоиерея Николая Пискановского (ставшего его духовником). По его словам, это были люди, сохранившие в условиях лагеря свое человеческое достоинство, «думавшие и осмыслявшие бытие в духовном масштабе».¹ К числу их, безусловно, принадлежал и сам Д. С. Лихачев.

Представителей русской интеллигенции Д. С. Лихачев именует в своих мемуарах «людьми мысли». В образах же духовенства его память сохранила духовный свет (можно сказать, что он относил их к категории «людей света»). Он пишет про епископа Виктора Вятского, что у него были сильные глаза и широкая улыбка и «от него исходило какое-то сияние доброты и веселости».² Другим «светлым человеком» на Соловках, по словам Лихачева, был отец Николай

¹ Лихачев Д. С. Воспоминания // Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. СПб., 2006. Т. 1. С. 165.

² Там же. С. 208. Фотографию епископа Виктора Д. С. Лихачев поместил впоследствии в своем кабинете на книжной полке.

Илл. 1. Протоиерей Николай Пискановский

Пискановский, «всегда в самых тяжелых обстоятельствах излучавший внутреннее спокойствие»³ (илл. 1).

Многие из людей его круга, с кем он общался на Соловках, были сосланы сюда за участие в религиозно-философских кружках ленинградской интеллигенции (речь идет прежде всего об обществе «Воскресение» и «Братстве Серафима Саровского»). Участником последнего был и сам Д. С. Лихачев. Позднее он объяснял репрессии против кружков интеллигенции в конце 1920-х гг. желанием больше-

вистской власти не дать интеллигенции «восстановить права духа», отнятые у нее этой же властью.⁴

Но интеллигенция, по свидетельству Д. С. Лихачева, и в условиях лагеря сохраняла «силу и мужество и способность сопротивляться».⁵ Основным средством ее духовного сопротивления, вспоминает Д. С. Лихачев, была внутренняя

³ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 209. Об отце Николае Пискановском см. кн.: Волков В. О. «От священства я не отрекись...». Священномученик Николай, протоиерей: лагерные письма православной семьи Пискановских. М., 2013.

⁴ Об этом он рассказал в интервью Сергею Курехину, записанному в начале 1990-х гг. См.: «Одна единственная встреча». Реж. Н. Урвачева. 2006 г. Фильм-диалог академика Д. С. Лихачева и музыканта Сергея Курехина. <http://likhachev.lfond.spb.ru/Movies/wmv/video.html>.

⁵ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 122.

свобода и независимость мысли. Способность мыслить, пишет Д. С. Лихачев, в условиях лагеря была главным способом сохранить себя, свою индивидуальность, душевное здоровье: «Только где-то в самой глубине души еще жило: мыслить – и тем умерять страдания! Мыслить – и тем оправдывать свое существование! Мыслить – и тем порождать, расширять, углублять мыслимый мир, оздоравливающий совесть, <...> объединяющий людей по принципу соборности – духовного единства человечества».⁶

Духовная жизнь интеллигенции на Соловках в конце 20-х – начале 30-х гг., пишет Д. С. Лихачев, была насыщена «воздухом культуры, которым они дышали, и я вместе с ними».⁷ Он вспоминает о необычайном разнообразии форм культурной жизни и свободе творческого выражения, свойственной эпохе Серебряного века, осколки которой он встретил на Соловках. Спустя много лет он написал об этом в «Заметке к будущим воспоминаниям» (1959 г.), сохранившейся в черновике: «Так свободны могли быть только русские люди начала века, только люди вполне интеллигентные. Сейчас даже трудно вообразить себе ту степень свободы, которой мы все обладали в заключении. Чем больше было людей разномыслящих, тем больше была эта свобода. Кого только не было: проктофантозмисты, самурай Нарита со всеми своими самурайскими убеждениями, Мейер и «мейеровцы», православные священники, католические священники, масоны, теософы (сам автор Теософской энциклопедии Мебус), армянский патриарх, «пулеметчик» Потто, Казаринов-Лефевр, в которого воплотился дух Людовика XVI, А. П. Сухов с его принятием всего и широкой

⁶ Лихачев Д. С. Беседы прежних лет (из воспоминаний об интеллигенции 1920–1930-х годов) // Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. СПб., 2006. Т. 2. С. 448.

⁷ Там же.

художественной точкой зрения на мир («психолог») и т. д. и т. п. В этой возможности иметь *свои* взгляды, *свое*, и была свобода, а не в «пропуске» за кремль...».⁸ Он вспоминал, что даже впряженные «вридлами» в сани для перевозки свиного навоза, он и его однодельцы – «латинствующая, французская и английствующая квадрига»⁹ – продолжали решать вопросы общего порядка, ведя беседу сразу на нескольких европейских языках.

Конечно, юному Д. С. Лихачеву на Соловках несказанно повезло: стараниями епископа Виктора и отца Николая Пискановского он попал на работу в Криминологический кабинет (Кримкаб), ставший – благодаря философу А. А. Мейеру (илл. 2) – центром интеллектуальной жизни в Соловецком лагере. Впоследствии Д. С. Лихачев сам удивлялся иронии судьбы: лишенный свободы за участие в философских беседах «Братства Серафима Саровского», он обрел на Соловках счастливую возможность еще более глубокого общения с А. А. Мейером и членами кружка «Воскресение». Вот как писал об этом сам Д. С. Лихачев: «Кримкаб представлял собой на Соловках своеобразное продолжение кружка «Воскресение» с той только разницей, что «заседания» шли каждый день».¹⁰ «Для меня разговоры с Мейером в Кримкабе и всей окружавшей его соловецкой интеллигенцией были вторым (но первым по значению) университетом. Сколько я узнал, к какому высокому мышлению я приобщился! <...> Если бы можно было все записать, какие великолепные беседы, дискуссии, просто споры, рассказы, рассуждения были бы сохранены для русской культуры! Была ли

⁸ Записная книжка Д. С. Лихачева 1959–1966 гг. (хранится в Отделе рукописей Пушкинского Дома, в фонде Д. С. Лихачева – ф. 769).

⁹ Лихачев Д. С. Соловецкие записи. 1928–1930 // Лихачев Д. С. Работы ранних лет. Тверь, 1993. С. 29.

¹⁰ Лихачев Д. С. Беседы прежних лет... С. 418.

это своеобразная «Башня» Вячеслава Иванова? Пожалуй, даже значительнее, так как и длилось все дольше, и велись наши разговоры ежедневно».¹¹

Не случайно Д. С. Лихачев связывал духовную жизнь своего круга в Соловецком лагере с эпохой Серебряного века: «Можно сказать, что Серебряный век с его удивительным духом общения завершался для меня на Соловках. Разговоры, споры, даже целые диспуты в камере открыли мне, что культура — это когда вокруг тебя настоящие люди».¹² Памяти этих замечательных людей Д. С. Лихачев посвятил в своих «Воспоминаниях» целый ряд очерков, объединенных под общим названием «Люди Соловков». До конца своей жизни он сохранял к ним чувство благодарности, вспоминая об «удивительной животворной силе, исходившей от старшего поколения русской интеллигенции».¹³

Может быть, поэтому, много лет спустя, в условиях уже окончательно пленившей страну советской идеологии, Д. С. Лихачев записал в черновике своих воспоминаний о Соловках пронзительные слова, что здесь и «был последний

Илл. 2. Философ Александр Александрович Мейер

¹¹ Лихачев Д. С. Беседы прежних лет... С. 416–417.

¹² Там же. С. 449.

¹³ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 122.

уголок свободы, духовной жизни» старой России.¹⁴

Еще одним из способов духовного сопротивления людей мысли, по воспоминаниям Д. С. Лихачева, был юмор, освобождающий смех. Показывая свое нарочито несерьезное отношение к лагерным порядкам, он и его товарищи подчеркивали их абсурдность и идиотизм: «Анекдоты, «хохмы», остроты, шуточные обращения друг к другу, шуточные прозвища и аргументы, как проявление той же шутовщины, сглаживали ужас пребывания на Соловках. Юмор, ирония говорили нам: все это не настоящее». ¹⁵ Отказываясь признавать над собой власть грубой силы, обнажая ее истинную природу, они делали ее беспомощной и смешной. Позднее эти идеи «смеха как мировоззрения», создающего особый «смеховой мир» – «крюмешный», «изнаночный», «перевернутый», свободный от условностей, – легли в основу книги «Смеховой мир» Древней Руси», написанной Д. С. Лихачевым совместно с А. М. Панченко (и другой книги – «Смех в Древней Руси», написанной в соавторстве с А. М. Панченко и Н. В. Поньрко).¹⁶

Хорошо осознавая духовный смысл своего сопротивления, поэтическая молодежь его круга культивировала особый поэтический настрой духа, помогавший ей сохранять внутреннюю свободу. По признанию самого Дмитрия Сергеевича, он сам был «пьян поэзией», которую вместе с друзьями мог декламировать часами: «Где-то внутри непрерывно звучала музыка. Все было поэтически приподнято. Поэзия была даже в смертях кругом, в драмах, в необычности жизни. Смерть не страшна при вере в

¹⁴ Записная книжка Д. С. Лихачева 1959–1966 гг. (ИРЛИ. Ф. 769). Запись сделана 8 ноября 1966 г., в годовщину октябрьского переворота.

¹⁵ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 166.

¹⁶ Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

бессмертие».¹⁷ По словам Д. С. Лихачева, он и его друзья жили тогда стихами Баратынского и только что вышедшего сборника О. Мандельштама «Камень».¹⁸

Была у Д. С. Лихачева еще одна тайная область духовной свободы, связанная с его религиозной жизнью. Но об этом он предпочитал не рассказывать: «Есть вопросы, на которые я не знаю ответа. Думаю, на эти темы вообще нельзя говорить. Любовь. Вера... Об этом следует молчать. Отцы Церкви говорили: «Кто много и пристально на солнце смотрит, у того глаза повреждаются; кто Бога любопытно рассматривает, у того ум помрачается...».¹⁹

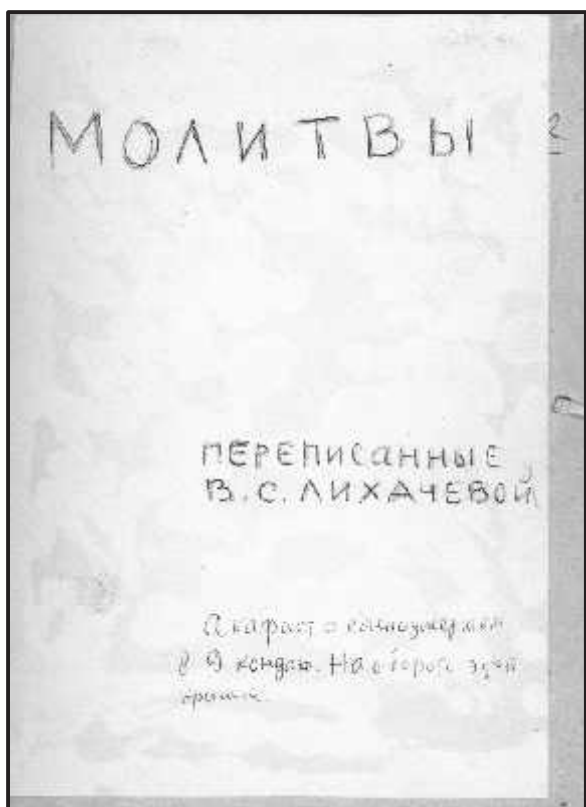
Между тем хорошо известно, что Д. С. Лихачев был сослан на Соловки именно за участие в студенческом кружке (названном в шутку Космической Академией Наук) и религиозном обществе (Братстве преп. Серафима Саровского).²⁰ Глубинная религиозность была духовным стержнем его личности и одновременно определяла вектор его судьбы. Православная традиция была унаследована им в

¹⁷ Записная книжка Д. С. Лихачева 1959–1966 гг. (ИРЛИ. Ф. 769).

¹⁸ Лихачев Д. С. Соловки. 1928–1931 годы // Лихачев Д. С. Об интеллигенции. СПб., 1997. С. 366.

¹⁹ Лихачев Д. С. Из записных книжек разных лет // Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. Т. 2. С. 494.

²⁰ См. об этом главы книги «Воспоминаний» Д. С. Лихачева – «Братство святого Серафима Саровского» и «Космическая Академия Наук». Согласно обвинительному заключению ГПУ, члены братства интересовались «вопросами богословия, жизнью святых, в особенности Серафима Саровского»; см.: Медведев Ю. «Воскресение»: К истории религиозно-философского кружка А. А. Мейера. С. 107 (здесь содержатся материалы не только о кружке «Воскресение», но и о Братстве Серафима Саровского). Подробнее о братстве см. также: Антонов В. В. Братство прп. Серафима Саровского: К истории православного движения в Петрограде // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 1996. Вып. 16. Ч. 1. С. 44–49; Ч. 2. С. 93–99. По словам исследователя, целью братства было личное духовное подвижничество его членов (Там же. Вып. 16. Ч. 1. С. 47).

Илл. 3. Молитвы, переписанные матерью Д. С. Лихачева

детстве, в семье (илл. 3). По словам его внучки В. С. Зилитинкевич, «через всю жизнь он пронес то отношение к православию, которое было характерно для значительной части петербургской интеллигенции начала XX века».²¹ Отношение это было глубоко сердечным, не показным, тесно связанным с любовью к Родине и состраданием к ней.

Хорошо известны слова Д. С. Лихачева о переполнявшей его сердце любви-жалости к России в эпоху гонений на Русскую Церковь:

«Многие убеждены, что любить Родину – это гордиться ею. Нет! Я воспитывался на другой любви – любви-жалости. <...> Чем шире развивались гонения на Церковь и чем многочисленнее становились расстрелы на «Гороховой два», в Петропавловке, на Крестовском острове, в Стрельне и т. д., тем острее и острее ощущалась всеми нами жалость к погибающей России. <...> Мы не пели патриотических песен – мы плакали и молились».²²

²¹ В нем преломился весь XX в. // Новая газета, 2013 г. № 69, 28 июня.

²² Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 122–124. Сострадание было одной из доминант его личности. Позже, уже во время заключения в Соловецком лагере, как рассказывает сам Д. С. Лихачев, он ходил, как пьяный, от сострадания к малолетним «вшивкам»: «это было уже не чувство, а что-то вроде болезни» (Там же. С. 155). А когда он увидел весь ужас пребывания заключенных в лесных лагерях, у него из сочувствия к ним начались язвенные боли, которые привели к внутреннему кровотечению (Там же. С. 206).

По сути, это чувство любви-сострадания к погибающей России и определило выбор его профессионального пути. Как известно, он сделал его не в пользу европейских литератур, хотя и закончил романо-германское отделение и написал дипломную работу о восприятии Шекспира в России. Нет, он связал свою судьбу с исследованием литературы Древней Руси, потому что именно там видел истоки русской культуры – православной в своей основе, с чем так непримиримо боролась советская власть.

Впоследствии он рассказал о мотивах, побудивших его к этому выбору, в письме к отцу Александру Киселеву, протопресвитеру Русской Православной Церкви Заграницей, который попросил его разъяснить слова о «подлинной русской культуре, которая сокрыта в глубинах озера Светлояр и еще мало изучена и плохо понята», – о ней он говорит в своих работах с некоторым умолчанием.²³ В ответном письме Д. С. Лихачев написал об этом подробнее: «Действительно, в моих работах есть важное умолчание. Как я хотел, я бы не мог написать [в советское время – О. П.] о значении православия, и именно древнерусского, искаженного в Новое время как Никоном и Петром, так и старообрядчеством, которое только в начале своего пути было право. <...> Но самая высшая точка созерцания (не рассуждения) истины – древнерусское православие. Оно поразительно. Это действительно созерцание истины, когда уста молчат и богословствовать не нужно, надо только жить в его лучах».²⁴

Таким образом, выбор жизненного пути, связанного с изучением «подлинной русской культуры, сокрытой в глу-

²³ Отец Александр Киселев, бывший когда-то духовником юного Алексея Ридигера (в годы молодости будущего патриарха), с 1991 г. проживал на покое в Донском монастыре. В свой приезд в Петербург в августе 1990 г. он посетил Пушкинский Дом, надеясь на встречу с Д. С. Лихачевым, но не застал его (время было отпускное) и написал ему это письмо.

²⁴ Ответ Д. С. Лихачева датирован 2-м сентября 1990 г.

бинах озера Светлояр», был сделан им еще в ранней молодости, в эпоху гонений на Русскую Церковь, из любви и сострадания к ней. В этом Д. С. Лихачев признается и на страницах своих «Воспоминаний»: «И с этим чувством жалости и печали я стал заниматься в университете с 1923 г. древней русской литературой и древнерусским искусством. Я хотел удержать в памяти Россию, как хотят удержать в памяти образ умирающей матери сидящие у ее постели дети, <...> рассказать о величии ее мученической жизни. Мои книги – это, в сущности, поминальные записочки, которые подают «за упокой»...».²⁵

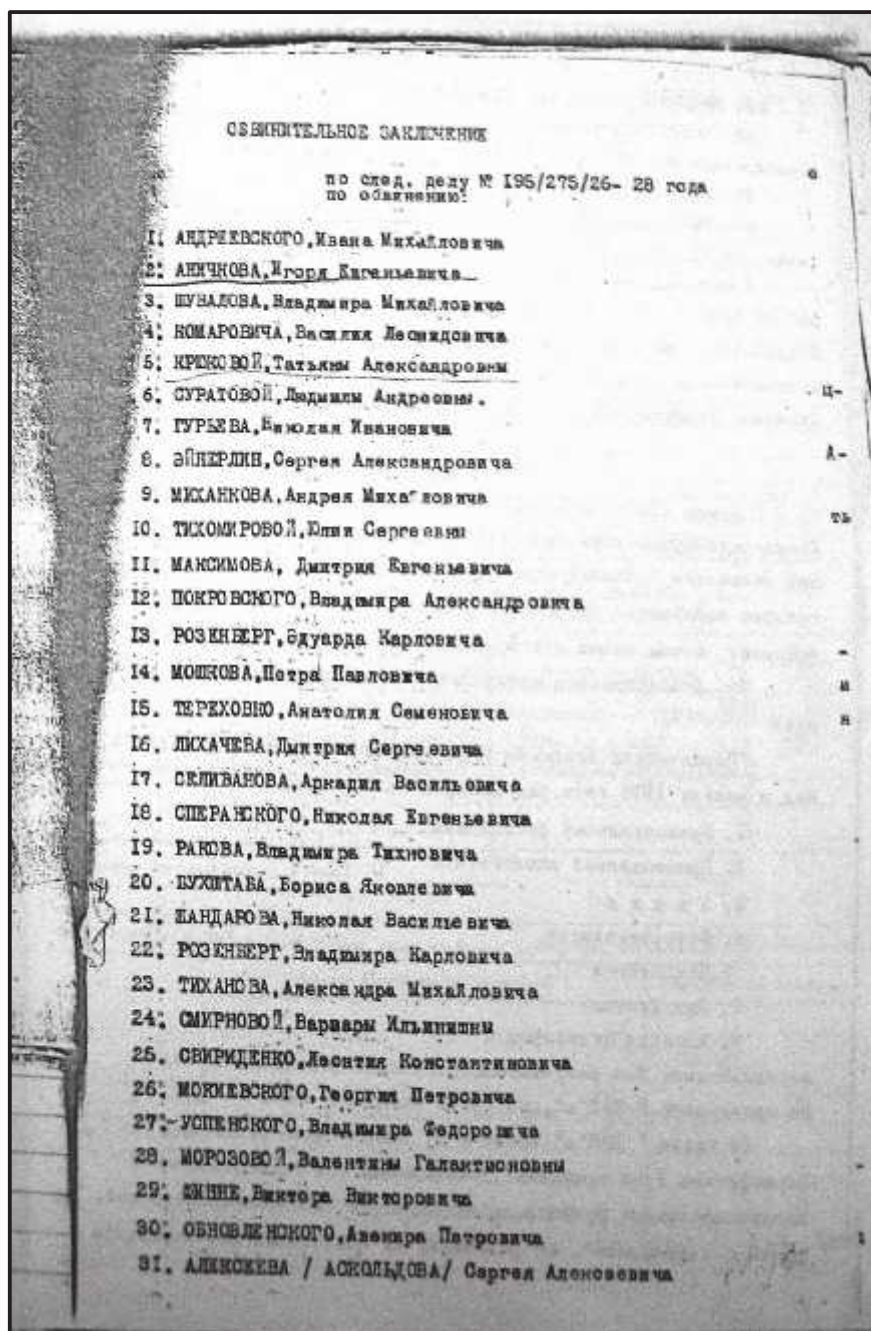
Но прежде судьбе было угодно испытать его в подвиге исповедничества. Находясь в доме предварительного заключения на Шпалерной, Д. С. Лихачев пришел к выводу, что человек сам «определяет свою судьбу, даже в том, что могло показаться случаем».²⁶ Он осознал, что выбором своего пути он и его товарищи, «следуя традициям русской интеллигенции», сами определили свой арест – это была их «вольная судьба». Много лет спустя, осмысляя свой лагерный опыт, Д. С. Лихачев обогатит это понимание «судьбы» осознанием участия в ней Промысла Божия, не отменяющего при этом свободного выбора человека (о чем будет сказано дальше).

Говоря же о «вольном выборе» судьбы, Д. С. Лихачев, несомненно, понимал и то, что этот выбор был совершен им и его товарищами не по собственному произволению, но в согласии с духом Церкви, тысячи членов которой также осознанно пошли на страдания, добровольно сделав свой выбор.

Надо сказать, что Д. С. Лихачев, как и другие члены братства, был последователем митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых), не принявшего декларацию

²⁵ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 124.

²⁶ Там же. С. 144.

Илл. 4. Обвинительное заключение ОГПУ по «делу» Братства преп. Серафима Саровского и Космической Академии Наук. 1928 г.

митрополита Сергия. Все они были арестованы в феврале 1928-го года, и большинство из них было отправлено на Соловки. Д. С. Лихачев, как и И. М. Андреевский, получил 5 лет лагерей (илл. 4).

О том, что этот выбор членов Братства Серафима Саровского был духовно зрячим, свидетельствует один важный документ, хранящийся в архиве Д. С. Лихачева, которому

*Илл. 5. Старец Нектарий
Оптинский*

сам Дмитрий Сергеевич придавал большое значение. Речь идет о ксерокопии письма оптинского старца Нектария к основателю Братства И. М. Андреевскому (датированного 27 апреля 1927 г.), которое свидетельствует о том, что участники Братства сверяли свои поступки с соборной мыслью Русской Церкви.

Упомянутое письмо сохранилось в материалах «Следствен-

ного дела» Братства, хранящегося в архиве управления ФСБ Санкт-Петербурга, с которым Д. С. Лихачев смог познакомиться в начале 1990-х гг. Тогда же по его просьбе была сделана ксерокопия письма старца Нектария к И. М. Андреевскому, на которой Д. С. Лихачев сделал пометку: «Исключительно важное письмо в ответ на вопрос И. М. Андреевского о положении в Церкви».²⁷ И хотя в самом письме старец Нектарий по вполне понятным причинам избегает каких-либо конкретных высказываний по вопросам церковной жизни, в том числе в адрес митрополита Сергия («Решение вашихъ вопросовъ, изложенныхъ въ письмѣ, мы отложимъ до личного свидания, если то Господь благословитъ; тогда поговоримъ»), его письмо ясно свидетельствует о духовной связи членов Братства с последним оптинским старцем (илл. 5).

Об этом же говорят и две заздравные записки, приложенные к следственному «делу» братства преп. Серафима Саровского, которые сохранились, по-видимому, после одного из молебнов братства (илл. 37, 38). Вторая из них начинается с имени иеромонаха Нектария Оптинского. На

²⁷ См. публикацию этого письма в Приложении.

ксерокопиях этих записок, полученных Д. С. Лихачевым в начале 1990-х гг., он расшифровал имена членов Братства, а также священников, его окормлявших, – протоиерея Сергия Тихомирова²⁸ и протоиерея Федора Андреева.²⁹ (Оба священника являлись сторонниками митрополита Ленинградского Иосифа.)

Как видим, большевистский переворот и деятельность ЧК–ОГПУ сделали свое дело. В эпоху гонений на Церковь значительная часть русской интеллигенции со всей остротой осознала себя ее чадами и пошла тем же путем исповедничества, что и православное духовенство. Встреча этих двух образованных сословий русского общества, разделенных на протяжении более двух столетий вследствие общей секуляризации культуры XVIII–XIX вв., состоялась на Соловках. Как указывал И. М. Андреевский, ссылаясь на данные Криминалогического кабинета, «в 1928 г. количество осужденных по церковным делам достигло 20% всех заключенных концлагеря».³⁰

Заметим, что судьба свела их не где-нибудь в ином месте, а здесь, на Соловках – месте страдания и святости. Именно

²⁸ Отец Сергей Тихомиров (настоятель церкви Введения Богородицы на Петроградской стороне) был духовником И. М. Андреевского и С. А. Алексеева-Аскольдова, двух основателей братства. Дважды в год, в дни памяти преп. Серафима Саровского, он служил праздничные молебны на собраниях братства. Последний из них состоялся 15 января 1928 г. на квартире у И. М. Андреевского. Отец Сергей служил его вместе с отцом Викторином Добронравовым, настоятелем церкви св. Николая при «Убежище артистов» на Петровском острове. Впоследствии оба священника приняли мученическую смерть и были причислены Церковью к лику святых.

²⁹ Отец Федор Андреев служил в церкви преп. Сергия Радонежского на углу Литейного и Сергиевской. Он был замечательным проповедником, в двадцатые годы на его проповеди стекалась вся православная интеллигенция Петрограда.

³⁰ Андреевский И. М. Заметки о катакомбной церкви в СССР. Джорданвилль, 1947. <http://ortodoxz.narod.ru/ww6.html>).

Илл. 6. Д. С. Лихачев в студенческой фуражке. Соловки, 1930 г.

так воспринимал их и студент Дмитрий Лихачев, попавший сюда прямо с университетской скамьи (илл. 6). Как написал он потом в своих воспоминаниях: «В воротах я снял студенческую фуражку, с которой не расставался, перекрестился. До того я никогда не видел настоящего русского монастыря. И воспринял Соловки, Кремль не как новую тюрьму, а как святое место» (илл. 6).³¹

* * *

Заключение на Соловках Д. С. Лихачев считал главным событием своей жизни. Здесь, по его словам, он прошел второй свой университет и ясно осознал действие Промысла Божьего в своей судьбе. Ведь в самое первое утро своего пребыва-

³¹ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 153.

ния на Соловках он чудесным образом встретил отца Николая Пискановского, который стал его духовным отцом.³²

Осознание Д. С. Лихачевым духовного смысла его лагерного опыта нашло отражение уже в 1-й редакции его «Воспоминаний» (1966 г.), сохранившейся в записной книжке 1959–1966 гг. Помимо собственно воспоминаний о лагере, она включает и несколько отступлений философского характера, одно из которых позволим себе привести. Поводом для него послужило, наверное, главное событие его жизни, когда он, спасаясь от расстрела, укрылся между полениц дров на монастырском дворе, где пережил страшную ночь, после которой в душе его произошел духовный переворот: «Я понял следующее: каждый день – подарок Бога. Мне надо жить настоящим днем, быть довольным тем, что я живу еще лишний день. И быть благодарным за каждый день. Поэтому не надо бояться ничего на свете. И еще <...>. Ясно, что вместо меня был «взят» кто-то другой. И жить надо мне за двоих. Чтобы перед тем, которого взяли за меня, не было стыдно!»³³

Размышляя впоследствии о своей судьбе и судьбах тех, кого он встретил в лагере, Д. С. Лихачев пришел к собственной философии истории и судьбы человека в ней, особенно в эпоху исторических потрясений. Он сравнивает ход истории в периоды исторических катаклизмов с природной стихией, с метелью, противостоять которой человек не в силах. Приведем его размышление: «Меня поражает и всегда поражало: от какой малости зависит иногда все направление нашей жизни. Болезнь возникает от случайности. Мы выбираем профессию в возрасте, когда еще ничего не понимаем в жизни. Подслушанный доносчиком разговор решает нашу судьбу на многие годы. <...> Но моя жизнь зависела <...> от сотен ничтожных мелочей и тысяч ничтожных случайностей. Слу-

³² Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 154.

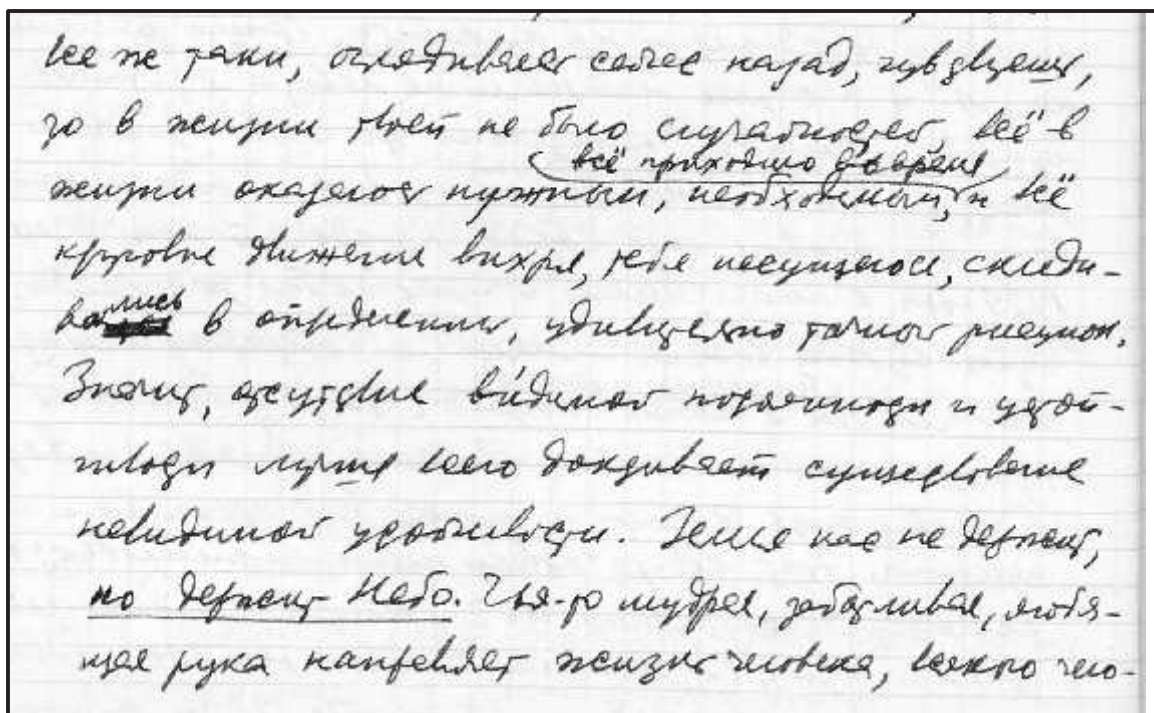
³³ Там же. С. 189–190.

чайности и мелочи метут нашей жизнью. Метель метет нами как снегом.³⁴ Мы не имеем ничего прочного под собой. Земля нас не держит. Она обледенела. Нам не за что зацепиться, нечем впиться в землю, чтобы задержать безумное вихрение жизни. Когда жизнь начинает бежать, когда «мятет, метет по всей земле», – больше всего чувствуешь свою беспомощность, «неприкрепленность» к земле – как на гигантском ледяном катке. И все ж таки, оглядываясь сейчас назад, чувствуешь, что в жизни твоей не было случайностей, все в жизни оказалось нужным, необходимым, все приходило вовремя, и все круговые движения вихря, тебя несущего, складывались в определенный, удивительно точный рисунок. Значит, отсутствие видимой порядочности и устойчивости лучше всего доказывает существование невидимой устойчивости. Земля нас не держит, но держит Небо. Чья-то мудрая, заботливая, любящая рука направляет жизнь человека, всякого человека. Она направляет согласно его, человека, свободной воле. Я остался жив не только потому, что кто-то быстро «переиграл» список, вынул меня из него – и, вот, я пошел направо, а не «налево», но и потому еще, что хотел остаться жить, хотел каким-то своим внутренним естеством, которое находится в удивительной связи с Судьбой.

Да простит мне читатель, живущий в годы, когда нет ветра на Земле, нет метели, вьюги, и когда все снежинки лежат на земле плотным белым покровом, – это отступление».³⁵

³⁴ Слово «метель» Д. С. Лихачев – в нарушение орфографических норм – сознательно пишет через букву «я», тем самым связывая его с семантически близкими словами: «мятеж», «смятение», «мятется».

³⁵ Записная книжка Д. С. Лихачева 1959–1966 гг. (ИРЛИ. Ф. 769). Представленный здесь опыт осмысления Д. С. Лихачевым собственной судьбы помог ему в дальнейшем дать блестящий анализ историософской концепции романа Пастернака «Доктор Живаго» (см.: *Лихачев Д. С. Размышления над романом Пастернака «Доктор Живаго» // Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. СПб., 2006. Т. 3. С. 433–441*).

Илл. 7. Воспоминания Д. С. Лихачева о Соловецком лагере 1966 г.

Фрагмент размышлений о Промысле Божиим:

«Земля нас не держит, но держит Небо»

В историософских размышлениях Д. С. Лихачева 1-й редакции его «Воспоминаний» нашли отражение оба начала его духовного опыта, приобретенного на Соловках. Одно из них идет от традиции философских бесед в кругу А. А. Мейера – о мире, человеке и его месте в истории, другое – из опыта общения с отцом Николаем Пискановским. В сочетании этих двух начал и заключается особая притягательность воспоминаний Д. С. Лихачева, свойственная ему окрыленность мысли и духовная ясность в осмыслении лагерного опыта.

Тема «судьбы» оставалась важнейшей для Д. С. Лихачева на протяжении всего его жизненного пути. Вновь и вновь возвращаясь к ней в разные периоды своей жизни, он ясно видел в ней Промысел Божий, который необъяснимым образом совпадал с его собственным духовным выбором (илл. 7). В конце жизни он поделился этим открытием со своим ровесником, отцом Александром Киселевым, в уже упомянутом письме: «Самое непонятное состоит в том, что <...> в че-

ловеке совмещается изначальная данность всей жизни, воля Божья и свобода воли человека. Синергия. Живя, я ощущаю, что все совершается по Воле Божьей, мудро и предуготовлено, но вместе с тем я отвечаю за каждый свой поступок, за каждое движение, мною совершаемое».³⁶

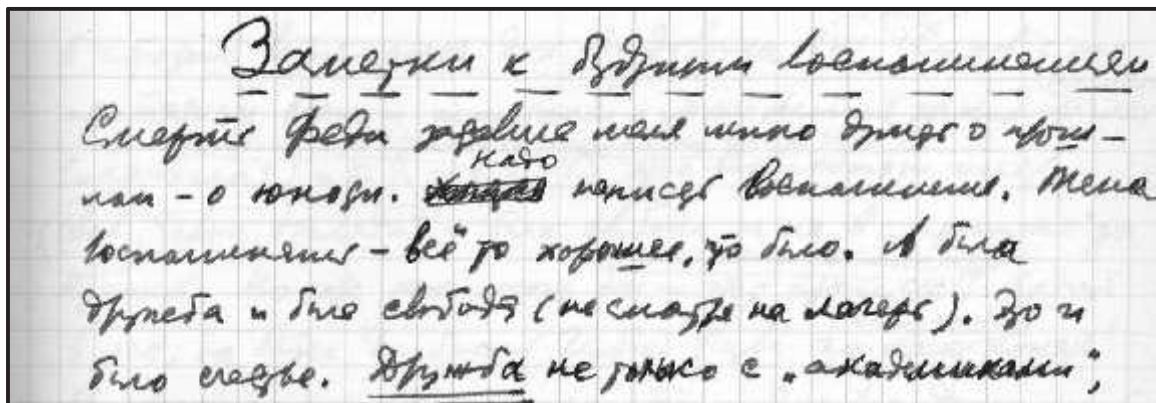
* * *

Духовный опыт, приобретенный на Соловках, отразился и в цикле очерков Д. С. Лихачева о «людях Соловков». Они проникнуты светом благодарности к людям, одарившим его дружбой, примером духовной стойкости и душевной поддержкой в условиях лагеря.

В 1959 г., когда у него впервые возник замысел написать воспоминания о Соловецком лагере (вскоре после смерти его близкого друга Федора Розенберга), он сформулировал его так: «Заметки к будущим воспоминаниям. Смерть Феди заставила меня много думать о прошлом – о юности. Надо написать воспоминания. Тема воспоминаний – все то хорошее, что было. А была дружба и была свобода (несмотря на лагерь). Это и было счастье. Дружба не только с «академиками», счастье не только КАН. Дружба с очень многими «попутно» (даже вор Овчинников)!...» (илл. 8).³⁷

³⁶ Письмо Д. С. Лихачева к отцу Александру Киселеву от 2-го сентября 1990 г. (ИРЛИ. Ф. 769).

³⁷ О своем лагерном «ученичестве» у другого известного вора – Ваньки Комиссарова («короля урок на Соловках») – Д. С. Лихачев вспоминал «не без гордости» в своем шутовском письме к А. Н. Робинсону от 29 ноября 1962 г.: «Основным моим университетом был СЛОН (он у нас и на лагерной печати изображался – тоже Вам юмор), а в нем “профессор” Ванька Комиссаров, ученик Леньки Пантелеева (это тот, который ресторан Белград от милиции сутки оборонял с пулеметом). Ванька Комиссаров и обучил меня – как достоинства не терять, а всегда по своей форме ходить» (цитата приведена в статье: Робинсон М. А., Сазонова, Л. И. Дмитрий Сергеевич Лихачев: Жизненный путь и научная судьба. К 100-летию со дня рождения // Славянский альманах. 2006. М., 2007. С. 395–396).

Илл. 8. «Заметки к будущим воспоминаниям» 1959 г.
Из записной книжки Д. С. Лихачева

И дальше: «Содержанием воспоминаний должны быть дружба и свобода, торжествующие над грубой силой страдания и насилия».³⁸

В конце этой «Заметки» Д. С. Лихачев сформулировал еще две важные идеи будущих воспоминаний: «Но надо бы донести в воспоминаниях силу старой культуры русской интеллигенции начала XX в., силу ее философии, ее талантливость и пр., чего сейчас не понять многим (кружок Андреевского, Мейер и пр.), силу одержимости стихами (Свешников-Кемецкий). <...> В них не должно быть никакой озлобленности: ни тени обиды. Напротив: надо стремиться показать хорошее, счастливое, благословенное, что было в жизни, а зло – как дьяволы, низверженные в ад копием Михаила Архангела, на картине Тинторетто».

* * *

С осмыслением опыта Соловецкого лагеря связано и стихотворение Д. С. Лихачева «Тризна», дошедшее до нас в двух его редакциях. Первая, написанная в стиле футуристического «речетворчества», была создана, по-видимому, на Со-

³⁸ Записная книжка Д. С. Лихачева 1959–1966 гг. (ИРЛИ. Ф. 769).

ловках.³⁹ Позднее, уже в зрелые годы, Д. С. Лихачев обогатил свое юношеское стихотворение новыми смыслами, добавив в него еще две строки (8-ю и 9-ю) и заменив в первом варианте несколько слов. Приведем текст этого стихотворения в его окончательной редакции:⁴⁰

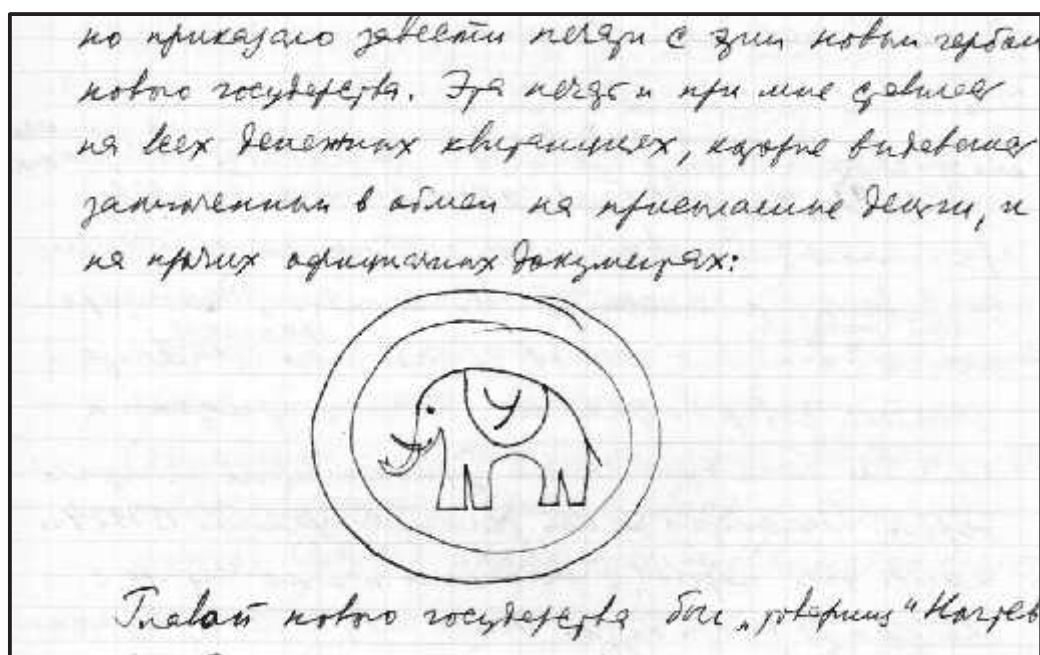
ТРИЗНА

Исчадием ада
И чадом чадящим
В республике Чада
Встал алый причал.
К причалу причалил
Чалдон чутко чукчий.
И, чадом чадящий,
Лихой и лядащий,
На гробе России
Отпраздновал бал.

8.VIII.1984

³⁹ Первоначальный вариант этого стихотворения сохранился в письме Д. С. Лихачева к известному знатоку поэзии начала XX в. Д. М. Молдавскому от 21 июля 1986 г. (РГАЛИ. Ф. 2873, оп. 1, ед. хр. 251. Л. 53). О «звукоскопической» манере этого стихотворения Д. С. Лихачев сделал следующее пояснение: «В юношеские годы мне казалось, что в поэзии главное – удачные ассонансы, словесная игра, эквилибристика, шутка, идущая от экспромтов. Нашел листок с одним из моих шуточных упражнений. Стихи непременно должны быть «глубокими», т. е. бессмысленными» (цитата приведена в статье: *Бронникова Е. В.* Эпистолярное наследие Д. С. Лихачева в фондах Российского государственного архива литературы и искусства // *Археографический ежегодник за 2006 г. М., 2011. С. 342–350*).

⁴⁰ Первую публикацию этого стихотворения, обнаруженного в бумагах Д. С. Лихачева после его смерти, выполнила Н. В. Понырко (в кн.: *Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии.* / Сост. Е. Г. Водолазкин. СПб., 2002. С. 405). Она же дала и первое его истолкование (несколько отличающееся от нашего). По словам публикатора, «сам Дмитрий Сергеевич говорил, что никогда не писал стихов». Тем большую ценность представляет это единственное исключение.

Илл. 9. Герб государства СЛОИ (рисунок в записной книжке Д. С. Лихачева).
Внизу подпись: «Главой нового государства был «товарищ» Ногтев»

В поэтических образах этого стихотворения Д. С. Лихачев выразил духовную сущность трагедии, постигшей Россию во втором десятилетии XX в. Он связывает ее с восстанием против нее темной силы – «исчадия ада»,⁴¹ которая в месте молитвы и света сотворила республику Чада (со СЛОИом на гербе – отсюда и Африка), где, по изречению одного из туземных правителей, «власть не советская, а Соловецкая» (илл. 9). Вместо прежнего ладана она источает духовный *чад*,⁴² разжигает жар в сердцах людей, подпитывая его *алой* кровью.

⁴¹ Ср. с замечанием Д. С. Лихачева о Соловецком острове как о месте извечного противостояния святости и греха: «Здесь – большой природный Рай, но одновременно большой Ад для заключенных всех рангов, сословий, всех населявших Россию народов...» (Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 169).

⁴² В том же метафорическом значении использует слово «чад» и другой известный соловецкий автор – О. В. Волков. Ср.: «Чтобы отключиться от *чадной* обстановки, не слышать дежурных грязных анекдотов и похабщины, полнящих досуги обитателей камеры, пан Феликс учит меня польскому языку» (Волков О. В. Погружение во тьму. Париж, 1987. С. 20). «Шли *чадные* дни. Я ютился на краю грязных трехъярусных нар, убого торчащих под величественными соборными сводами...» (Там же. С. 147).

Другой значимый образ этого стихотворения – «чалдон» (согласно Словарю Даля, «бродяга, беглый, каторжник»). Обладая звериным чутьем («чутко чукчий»), он является одним из порождений «отца лжи» (не случайно на воровском языке «чалдон» означает «карточный шулер»).⁴³ Неустанно курсируя между материком и «алым причалом», он доставляет сюда все новые и новые партии жертв и здесь, в *республике Чада*, творит свою кровавую «тризну».⁴⁴

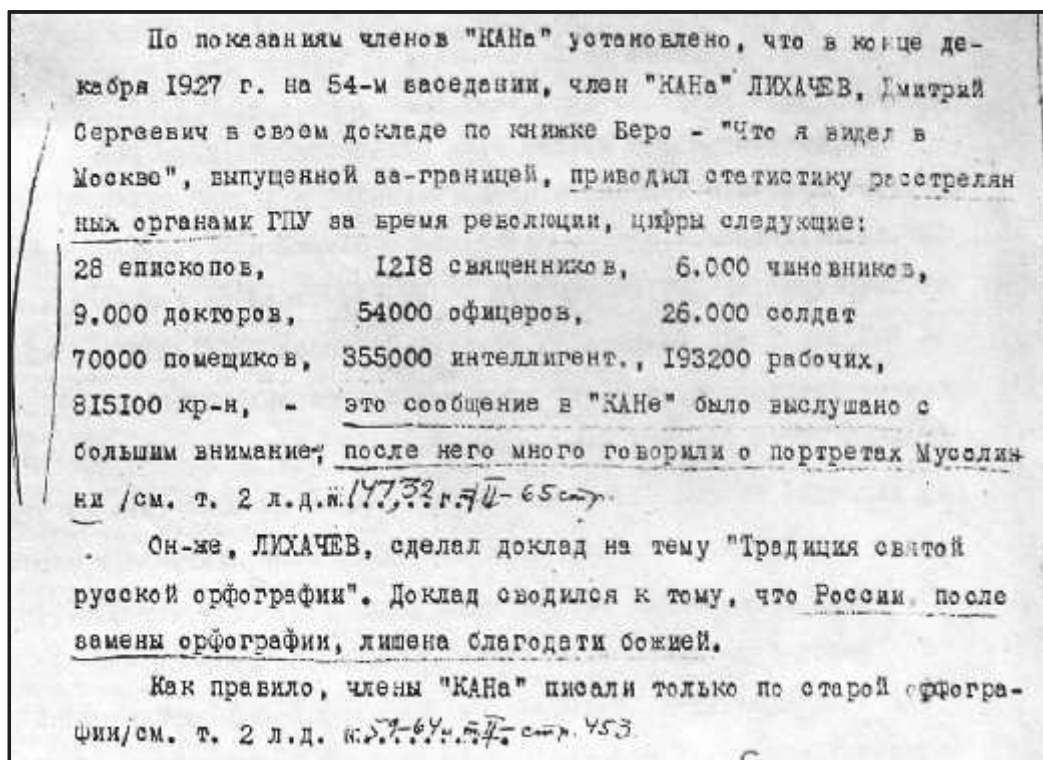
Как уже сказано, основным поэтическим средством в этом юношеском стихотворении Д. С. Лихачева является звукопись. В многократном повторении корней «ад», «чад», «ал», «чал» и согласных звуков «ч» и «к» («чутко чукчий») – фонетически рифмующихся с «ЧК»! – проступает обобщенный образ зловещей адовой силы, творящей тризну на гробе России.

Напомним, что одним из обвинений, предъявленных Д. С. Лихачеву органами ОГПУ, был его доклад о жертвах ЧК за годы революции (по книжке Бери «Что я видел в Москве», содержавшей статистику расстрелянных чекистами)⁴⁵.

⁴³ Будучи сотрудником Криминологического кабинета, Д. С. Лихачев изучал воровское арг профессионально как филолог-лингвист. Результаты его исследований изложены в статье: *Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи. 1933* // *Лихачев Д. С. Работы ранних лет. Тверь, 1993. С. 54–94.*

⁴⁴ На связь образа «чалдона» с кораблем с чекистским именем «Глеб Боккий» намекает сам Д. С. Лихачев, ср.: «Около Соловков нас снова запихнули в чрево «Глеба Боккого» (этот живой человек, в честь кого был назван пароход, – людоед – главный в той тройке ОГПУ, которая приговаривала людей к срокам и расстрелам)» (*Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 152*). Большевики, видимо, любили давать своим кораблям чекистские имена. Показательно, что и первым судном, вошедшим в шлюзы сталинского Беломорканала летом 1933 г., был другой корабль под названием «Чекист» (см. статью Л. А. Головковой в настоящем сборнике).

⁴⁵ Имеется в виду книга французского журналиста Анри Бери (посетившего СССР в 1925 г.): *Henri Beraud. Ce que j'ai vu à Moscou. Paris, 1926.* («Что я видел в Москве»).

Илл. 10. Обвинительное заключение ОГПУ по делу кружка «Воскресение» (1929 г.), в котором также сообщается о докладе Д. С. Лихачева в КАН о кровавых жертвах ЧК

Согласно ему, кровавая жертва ЧК за этот срок составила: 28 епископов, 1218 священников, 6 000 чиновников, 9 000 докторов, 54 000 офицеров, 26 000 солдат, 70 000 помещиков, 355 000 представителей интеллигенции, 19 200 рабочих, 815 100 крестьян (илл. 10).⁴⁶

* * *

Прояснить смысл стихотворения «Тризна» помогает фрагмент из другого сочинения Д. С. Лихачева, в котором также представлена тема «попрания святого места», превращенного чекистами в зловонную тюрьму. Речь идет о другом

⁴⁶ См.: Обвинительное заключение ГПУ по делу кружка «Воскресение» № 108 (1929 г.), опубликованное в качестве приложения к статье: Медведев Ю. «Воскресение»: К истории религиозно-философского кружка А. А. Мейера // Диалог. Карнавал. Хронотоп. М.; Витебск, 1999. Вып. 4. С. 111.

философском отступлении 1-й редакции его «Воспоминаний», написанном в лиро-эпической манере.⁴⁷ Начинается оно эпической картиной геологической жизни Соловецких островов в Белом море, изображенной в грандиозной пространственно-временной перспективе: «Десятки тысяч лет ледники, двигавшиеся из Скандинавии, нагнали сюда на Соловецкие острова валунов. Стада этих валунов покрыли острова. Они были обкатаны тысячеверстными переходами, приняли форму удивительно живую, лаконичную. Лед вспахал острова, вырыл длинные логовища для озер, почти перерезал остров пополам Глубокой Губой. Над островами проносились ветры, облака, туман, метели. Вставали томительно длинные восходы, ложились разноцветные закаты. По ночам зимой колыхались северные сияния. Соловки были близки мирам иным, близки к космосу».

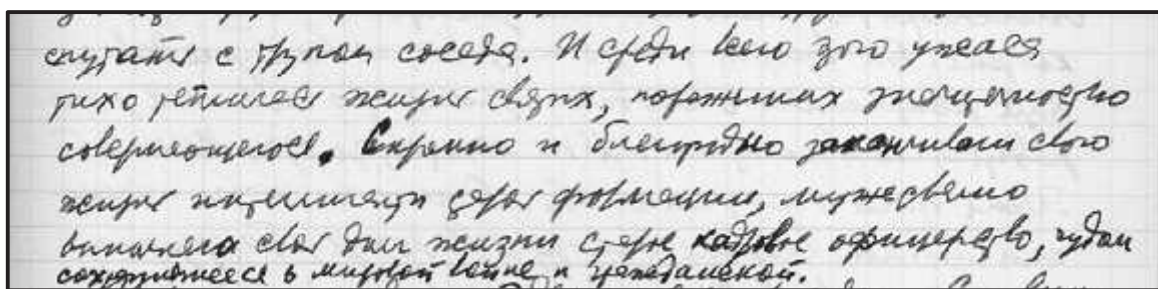
Продолжается это повествование рассказом о появлении на острове монахов, возделывавших его в течение пяти столетий своим трудом и молитвой, об огромных усилиях людей окультурить природу, создать с ее помощью соборы величественного монастыря: «Полтысячелетия назад человек стал возводить из валунов жилища. Сделал ограду, чтобы отгородиться от ветров, моря, лесов и болот. Из валунов и кирпича возводились огромные здания. Все они соединялись между собой переходами, чтобы люди могли не выходить наружу. По длинным переходам внутри домов с кельями можно было обойти вокруг всего монастыря. Деревянные переходы связывали группу соборов с кельями. Эта группа соборов в центре монастыря была также соединена переходами. Здесь были старые Успенский и Преображенский соборы, трапезная, пекарня, новые соборы – Троицкий, колокольня, часовня Германа и многое еще другое».

Но в это пространство светлого духа, творящего в согла-

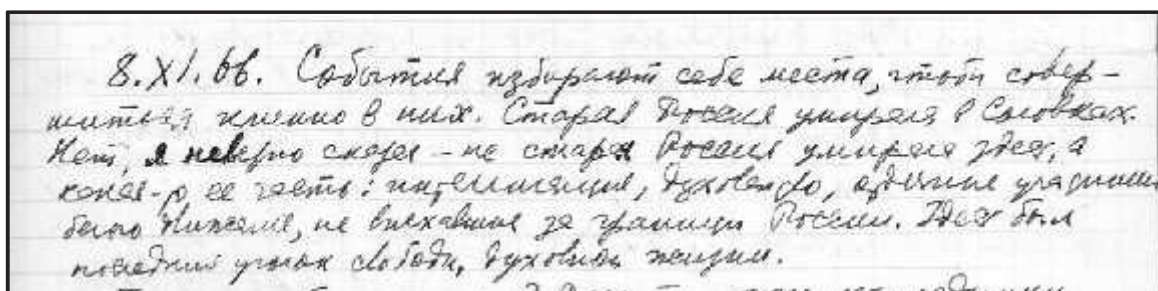
⁴⁷ Записная книжка Д. С. Лихачева 1959–1966 гг. (ИРЛИ. ОР. Ф. 769).

сии с природой, вторгается дух вражды и насилия, который превращает эти соборы в тюрьмы, священные алтари – в уборные, застраивает их нарами, заселяет человеческим сбродом, заполняет их чадом и смрадом. Эпический стиль повествования сменяется стуженно-натуралистическим: «В новом Троицком соборе, как бы приткнувшимся к старому Преображенскому, было устроено огромное помещение 13 роты. <...> Уборная была сделана, как полагается, в алтаре. В часовне Германа был ларек, в склепах – кладовые. Всюду под сводами с великолепной акустикой гулко раздавался мат. <...> Высокие помещения соборов как нельзя лучше подходили для многоэтажных нар, фантастически громоздившихся, вздымавшихся вверх, затемнявших свет. Толпы людей, сменившие паломников, жили здесь, ели, испражнялись, извергали испорченный воздух, обильно накапливавшийся в желудках от черного хлеба и чечевицы, чесались до кровавых расчесов от вшей и клопов, ругались, изощрялись в подлости, чтобы продлить свое существование на несколько недель или месяцев, играли в карты, ругались, пели блатные песни, дрожали от холода, прятались от нарядчиков под нары, воровали, рассказывали анекдоты, пошло острили. В конце концов – кого выносили на носилках умирать в лазарет, а кто умирал тут же, и ему писали еще живому чернильным карандашом на запястье руки фамилию, чтобы будущий труп нельзя было спутать с трупом соседа».

Вся эта картина, нарисованная Д. С. Лихачевым, напоминает образы стихотворения «Тризна», где также в пространство святости вторгаются «исчадия ада», чтобы надругаться над ней и сотворить здесь свою кровавую тризну. Но, в отличие от стихотворения, здесь автор словно выхватывает из мрака светом теплящейся свечи нечто такое, отчего наступает катарсис. Он видит представителей трех уходящих сословий, достойно встретивших посланное им испытание, – духовенства, интел-

Илл. 11. «И среди всего этого ужаса тихо теплилась жизнь святых, пораженных значительностью совершающегося...»
(Воспоминания Д. С. Лихачева. 1966 г.)

Илл. 12. «События избирают себе места, чтобы свершиться именно в них. Старая Россия умирала в Соловках <...>
Здесь был последний уголок свободы, духовной жизни». 1966 г.

лигенции и кадрового офицерства. И замирает от осознания величия их подвига: «И среди всего этого ужаса тихо теплилась жизнь святых, пораженных значительностью совершающегося. Скромно и благородно заканчивали свою жизнь интеллигенты старой формации. Мужественно выполняло свой долг жизни старое кадровое офицерство, чудом сохранившееся в мировой войне и гражданской» (илл. 11).

Осмысливая увиденное, Д. С. Лихачев высказывает еще одну важную историософскую мысль, связывающую судьбу России с Соловками: «События избирают себе места, чтобы свершиться именно в них. Старая Россия умирала в Соловках. Нет, я неверно сказал – не старая Россия умирала здесь, а какая-то ее часть: интеллигенция, духовенство, отдельные участники белого движения, не выехавшие за границы России. Здесь был последний уголок свободы, духовной жизни» (илл. 12).

Можно сказать, что в этих строках звучит своего рода «Реквием» по ушедшей России. Конечно, не вся старая Россия ушла в вечность на Соловках, но, несомненно, – ее лучшая часть.

* * *

Во второй части статьи проследим основные этапы работы Д. С. Лихачева по написанию воспоминаний о Соловецком лагере. Судя по всей совокупности текстов, посвященных Соловкам, он возвращался к опыту Соловецкого лагеря на протяжении всей своей жизни, осмысляя его с годами все более ясно. С годами у него пришло понимание, что именно там он застал последний культурный слой Серебряного века, который вскоре исчез навсегда. В своей манере поведения, образе мыслей и поступках Д. С. Лихачев оставался хранителем памяти об этих людях.

Первый опыт его записей о Соловецком лагере относится еще к пребыванию Д. С. Лихачева на Соловках. Тетрадь с соловецкими записками 1928–1930 гг., сделанными по свежим следам, была передана им приезжавшим на свидание родителям в 1930 г. (первые ее страницы, по словам Лихачева, были им вырваны, чтобы «не подвести упомянутых там лиц»⁴⁸).

В 1932 г., по возвращении в Ленинград, Д. С. Лихачев составил для себя список с фамилиями людей, которых он встретил в лагере (всего около 430 имен), с краткими примечаниями. Писать подробно о них он не мог, зная по опыту, насколько опасными бывают такие записи. Впоследствии этот список послужил опорой для его воспоминаний. По словам Д. С. Лихачева, в нем запечатлена «лишь малая часть бесчисленных лиц, с которыми он дружил, разговаривал, встречался, которых просто знал...»⁴⁹. Но память с годами

⁴⁸ Лихачев Д. С. Соловецкие записи. 1928–1930 // Лихачев Д. С. Работы ранних лет. Тверь, 1993. С. 15–30.

⁴⁹ Лихачев Д. С. Беседы прежних лет // Наше наследие. М., 1993. № 27. С. 56.

стала его подводить, и многих из них он уже не смог вспомнить. Судя по отдельным его высказываниям, Д. С. Лихачев сильно об этом сожалел, считая «самой большой неудачей в жизни».⁵⁰ Незадолго до смерти он опубликовал весь этот список «как единственный след того, что люди эти были, что ушли, не оставив ничего, кроме имени в моем списке».⁵¹

Новое обращение Д. С. Лихачева к теме Соловков состоялось уже в зрелом возрасте, когда, после смерти Федора Розенберга в 1959 г., у него созрело решение написать воспоминания о Соловецком лагере. Тогда же им были написаны «Заметки к будущим воспоминаниям».⁵² В них он определил основные темы будущих воспоминаний: тему дружбы и духовной свободы «несмотря на лагерь» и тему духовной силы русской интеллигенции.

В конце 1964 г. Д. С. Лихачев вступает в дружескую переписку с писателем-соловчанином Олегом Васильевичем Волковым. Вскоре между ними устанавливаются дружеские отношения. Основой для этого послужила общность их судеб, связанных с Соловецким лагерем, и забота о сохранении памятников культуры.⁵³ В апреле 1966 г. Д. С. Лихачев получает через семью Волковых письмо от Ксении Николаевны Пискановской, дочери отца Николая. Переписка с ней будет продолжаться до самой ее кончины в 1997 г.⁵⁴

В июле 1966 г. Д. С. Лихачев принимает участие в конференции «Памятники культуры Русского Севера» в Архангельске. На ней он выступил с докладом «Задачи изучения

⁵⁰ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 351.

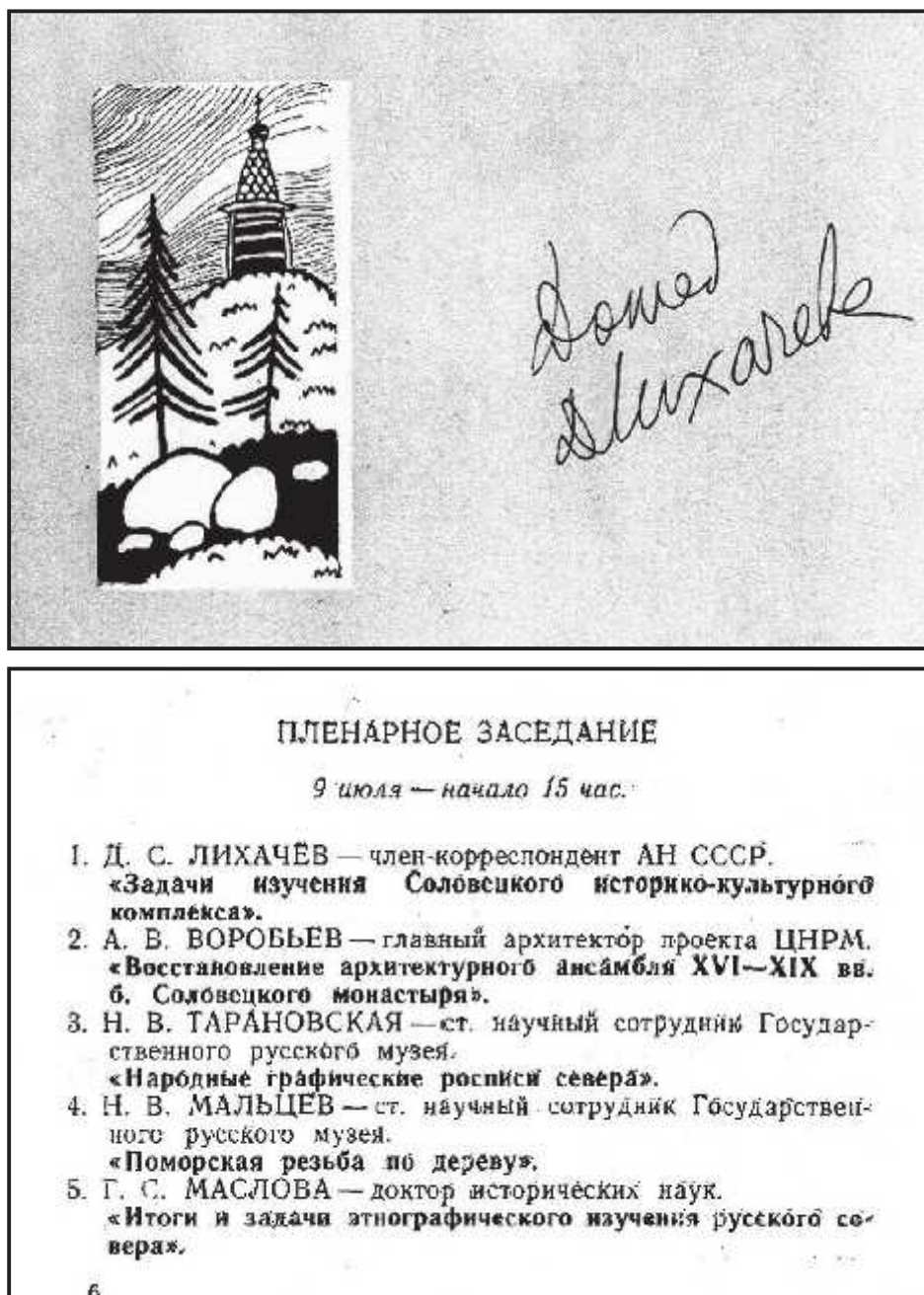
⁵¹ Лихачев Д. С. Беседы прежних лет. С. 56–59. Этот список, составленный им в 1932 г., публикуется в настоящем сборнике.

⁵² Записная книжка Д. С. Лихачева 1959–1966 гг. (ИРЛИ. Ф. 769).

⁵³ Письма Д. С. Лихачева О. В. Волкову и его семье / Публ., сопровождает текст и прим. В. О. Волкова // Наше наследие. 2008. № 87–88. С. 74–79.

⁵⁴ Там же. С. 76.

Соловецкого историко-культурного комплекса», который во многом способствовал принятию решения об открытии Соловецкого музея-заповедника (илл. 13).⁵⁵

Илл. 13. Программа конференции
«Памятники культуры Русского Севера» 1966 г.

⁵⁵ Решение правительства об открытии Соловецкого музея-заповедника было принято 10 января 1967 г.

Илл. 14. Светлана Вереш. 1966 г.
Фото Д. С. Лихачева

Из Архангельска он вместе с другими участниками конференции отправился на теплоходе «Татария» на Соловки, где провел несколько дней.⁵⁶ Во время прогулок по Соловецкому острову его сопровождала Светлана Вереш, – в будущем первый директор Соловецкого музея (илл. 14). По ее воспоминаниям, в течение не-

скольких дней они обошли и объехали на машине и лодках «практически весь архипелаг».⁵⁷ Побывали на Анзере и на Муксалме, ездили на Заяцкие острова. При этом Д. С. Лихачев подробно рассказывал ей и другим спутникам о лагерьной топографии Соловецкого лагеря, штрафном изоляторе на Секирке, читал стихи Владимира Кемецкого. Многие из рассказанного им С. Вереш записала.⁵⁸

В прогулках по соловецкому кремлю приняли участие также два других будущих научных сотрудника Соловецкого музея Евгений Абрамов и Александр Осипович, которые также постарались сохранить для памяти краткие записи его рассказов (илл. 15). Об этом сообщал впоследствии Юрий Чебанюк (приехавший на Соловки годом позже) со слов своих товарищей: «От его посещения у ребят осталась беглая запись истории Соловецкого лагеря. Позже, прочтя Архипелаг ГУЛАГ, я понял, что у Александра Исаевича и

⁵⁶ О поездке на Соловки летом 1966 г. Д. С. Лихачев рассказал в одной из последних глав книги «Воспоминаний».

⁵⁷ Вереш С. В. Четыре соловецких года // Наше наследие. М., 2006. № 79–80. С. 88–94.

⁵⁸ Там же. С. 92.

у нас, соловецких экскурсоводов, был один и тот же источник информации».⁵⁹

Поездка на Соловки оставила в душе Д. С. Лихачева сильное впечатление. Побывав в местах своей памяти, он воочию увидел разрушительную силу забвения, противоположную духу памяти – памяти как форме жизни духа. Позднее он об этом писал с горечью: «С группой музейных работни-

Илл. 15. Е. Абрамов, А. Осипович, Ю. Чебанюк 1969 г.

ков я был и на Анзере, где почти все памятники подверглись страшным разрушениям. Особенно жалко мне было Голгофы и Троицкого скита. Поразили меня карандашные надписи на стенах. Людям так хотелось оставить по себе хоть какую-нибудь память... То же самое увидел я на Секирке <...> Не стану описывать чувств, которые переполняли меня, когда я осознал грандиозность этой общей могилы – не только людей, каждый из которых имел свой душевный мир, но и русской культуры – последних представителей русского «серебряного века» и лучших представителей Русской церкви. Сколько людей не оставило по себе никаких следов, ибо кто их и помнил – умер».⁶⁰

Очевидно, увиденное так потрясло его, что сразу по возвращении с Соловков он начал писать свои воспоминания. Об этом достоверно свидетельствует его записная книжка 1959–1966 гг. Работа над первой редакцией их велась с

⁵⁹ Мельницкая Л. Давняя песня в нашей судьбе. Часть 1 // Соловецкое море. 2002. № 1. С. 155.

⁶⁰ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 346–349.

Илл. 16. Д. С. Лихачев после награждения почетной степенью доктора Оксфордского университета. 1967 г.

июля по ноябрь 1966 г. В ноябре первая редакция воспоминаний была им завершена. Она включала и те два фрагмента с философскими размышлениями Д. С. Лихачева, которые были приведены выше (о Промысле Божиим и о том, что три избранных сословия старой России ушли в вечность здесь, на Соловках).

Вскоре по возвращении с Соловков Д. С. Лихачев составил свой Соловецкий альбом, в котором использовал снимки, сделанные во время поездки.⁶¹

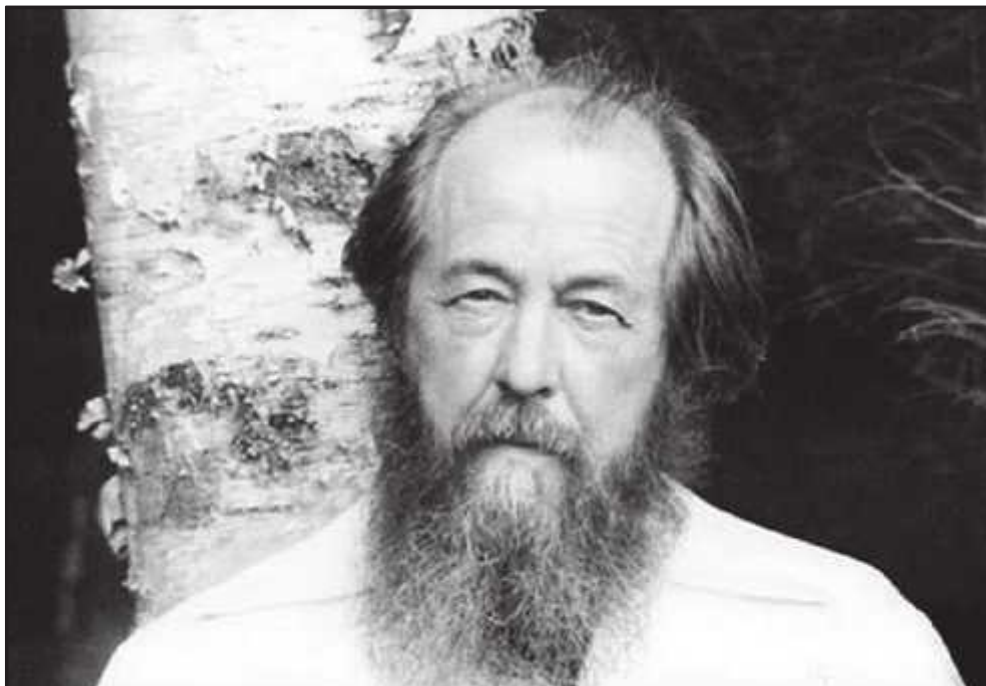
Летом следующего 1967 г. Д. С. Лихачев был приглашен в Оксфорд для награждения

его почетной степенью доктора Оксфордского университета (илл. 16). Там же он встретился с Софией Михайловной Осоргиной – сестрой Георгия Михайловича. Он рассказал ей все, что знал об обстоятельствах гибели ее брата. С. М. Осоргина подарила ему на память копию пасхального письма брата, написанного родным из Бутырской тюрьмы.⁶²

В 1967 г. к Д. С. Лихачеву приезжает А. И. Солженицын, чтобы узнать от него подробности лагерной жизни на Соловках (илл. 17). Бывший соловчанин делится с ним своими

⁶¹ Этот альбом хранится у внучки Д. С. Лихачева – З. Ю. Курбатовой.

⁶² См. главу «Георгий Михайлович Осоргин» из цикла Д. С. Лихачева «Люди Соловков».

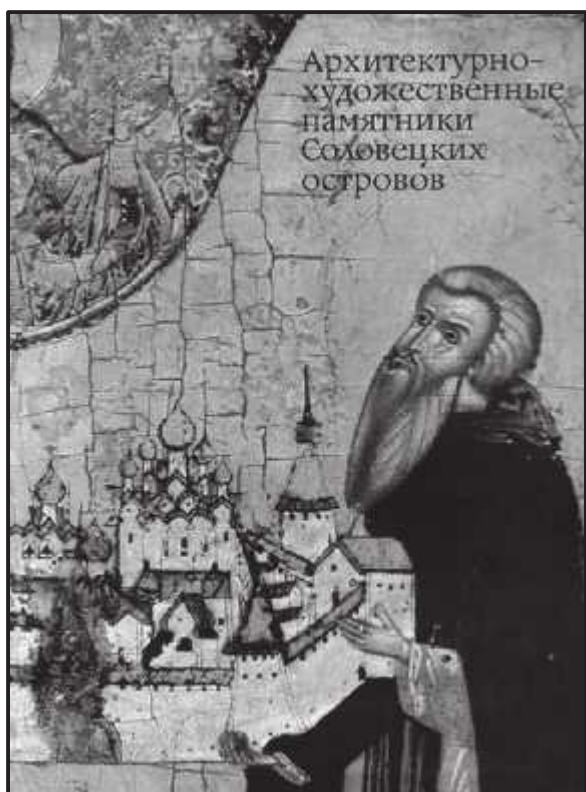
Илл. 17. А. И. Солженицын

воспоминаниями и передает ему собственные записи о Соловках.⁶³ Ручеек его памяти вливается в грандиозную реку общенациональной памяти, а написанное им составляет основу соловецкой главы романа «Архипелаг ГУЛАГ».

По словам Лихачева, в его же кабинете появилось на свет и само название романа. Вот как рассказывает об этом сам Лихачев: «В самый разгар работы над своими сочинениями по истории лагерей ко мне приехал А. И. Солженицын. Мы с ним работали три дня. Я ему дал свои записки по истории Соловков. Рассказал о главном палаче Соловецкого лагеря латыше Дегтяреве <...>. Сам он себя пышно именовал «начальником войск Соловецкого архипелага». Александр Исаевич воскликнул: «Это то, что мне нужно!» Так в моем кабинете родилось название его книги «Архипелаг ГУЛАГ».⁶⁴

⁶³ Лихачев Д. С. Беседы прежних лет (из воспоминаний об интеллигенции 1920–1930-х годов) // Лихачев Д. С. Об интеллигенции. СПб., 1997. С. 193.

⁶⁴ Лихачев Д. С. Соловки. 1928–1931 годы // Лихачев Д. С. Об интеллигенции. СПб., 1997. С. 351.

Илл. 18. Статья Д. С. Лихачева «Соловки в истории русской культуры» (1968 г.) в сборнике «Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов». 1980 г.

Об этом же вспоминает внучка Д. С. Лихачева – В. С. Зилитинкевич: «Когда я стала немного старше, лет десяти-двенадцати, дедушка начал мне часто рассказывать о Соловках. Вообще соловецкий период был одним из важнейших в его жизни. Хорошо помню, как дедушка рассказывал о Соловках Солженицыну, который приходил к нам на дачу, когда собирал материал для «Архипелага ГУЛАГ». В главе о Соловках Солженицын в основном опирался именно на дедушкины рассказы. И само название главы «Архипелаг возникает из моря» подсказано было ему именно дедушкой. Хорошо помню, как Солженицын хлопнул рукой по столу и прямо крикнул «Здорово», когда дедушка сказал, что советские лагеря «возникли из моря». Дедушка мне тогда сказал в связи с приходом Солженицына: «Постарайся запомнить, что говорил этот человек. Это очень крупная фигура в русской культуре». Он даже сравнил Солженицына с Толстым. На меня это произвело большое впечатление».⁶⁵

В марте 1968 г. Д. С. Лихачев сообщает в письме Светлане Вереш о желании Солженицына побывать на Соловках.⁶⁶ К со-

В марте 1968 г. Д. С. Лихачев сообщает в письме Светлане Вереш о желании Солженицына побывать на Соловках.⁶⁶ К со-

⁶⁵ Дмитрий Лихачев и его эпоха... С. 30–31.

⁶⁶ «Милая добровольная затворница»: Письма Д. С. Лихачева к С. В. Вереш. // Наше наследие. М., 2006. № 79–80. С. 95.

Я возражал против проекта. Надо не заказывать новый проект, а восстановить одну из разрушенных церквей. Почему не восстановить Соловки. Устроить там поличную школу и службу по погибшим. Непрерывную. Мой проект понравился. Он сказал: "Может быть полгода достаточно". Я возражал: весь цикл природы, с зимой, отходящей от мира. Он спросил:

Илл. 19. Разговор с А. И. Солженицыным о восстановлении церкви на Соловках и установлении службы по погибшим с чтением Неусыпаемой Псалтыри. (Фрагмент воспоминаний Д. С. Лихачева. 1969 г.)

жалению, этот замысел так и не осуществился. В конце лета – начале осени 1968 г. Д. С. Лихачев пишет программную статью «Соловки в истории русской культуры»⁶⁷ для сборника «Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов». Однако сам сборник вышел в свет под редакцией Д. С. Лихачева лишь 12 лет спустя, в 1980 г. (илл. 18).⁶⁸

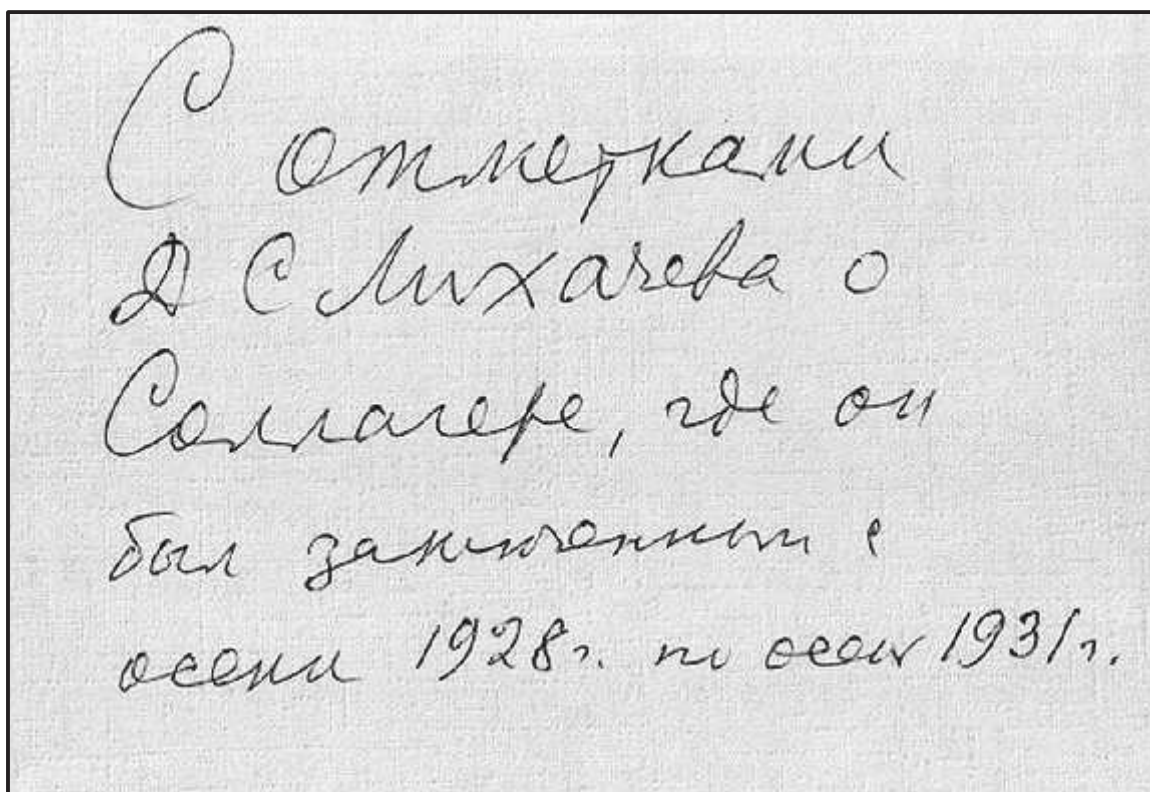
В конце декабря 1968 г. Д. С. Лихачева вновь посещает Солженицын. Он рассказывает Дмитрию Сергеевичу о своем проекте построить храм под Звенигородом. Тот, в свою очередь, советует ему вместо строительства новой церкви восстановить одну из уже существующих на Соловках и установить там заупокойную службу по всем погибшим в лагере с чтением Неусыпаемой Псалтыри (илл. 19).⁶⁹ Как записал в краткой заметке об этом разговоре сам Д. С. Лихачев, идея Солженицыну очень понравилась. Но осуществить ее, по понятным причинам, ему так и не удалось.

В 1969 г. Д. С. Лихачев создает своего рода «путеводитель» по Соловецкому лагерю, используя для этого альбом художника Г. М. Манизера с видами Соловецкого

⁶⁷ «Милая добровольная затворница»: Письма Д. С. Лихачева к С. В. Вереш. // Наше наследие. М., 2006. № 79–80. С. 97.

⁶⁸ Лихачев Д. С. Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 9–41.

⁶⁹ Рассказ об этом визите А. И. Солженицына хранится в архиве Д. С. Лихачева.

Илл. 20. «Путеводитель» Д. С. Лихачева по Соловецкому лагерю. 1969 г.

Илл. 21. «Путеводитель» по Соловецкому лагерю.
 Отмечено окно Троицкого собора,
 где Д. С. Лихачев встретил отца Николая Пискановского

Илл. 22. Отмечена канцелярская рота, где жили И. М. Андреевский, В. Раков и епископ катакомбной церкви Максим Жижиленко

острова, в который внес свои комментарии по лагерной «топографии» Соловков (илл. 20).⁷⁰ На одной из иллюстраций он отметил окно Троицкого собора, на подоконнике которого он когда-то встретил о. Николая Пискановского (илл. 21). На другой обозначил канцелярскую роту, где жили его товарищ по КАНу Володя Раков, И. М. Андреевский и епископ катакомбной церкви профессор-хирург Максим Жижиленко (илл. 22).

В этом же путеводителе он нарисовал план своей камеры в 3-й роте, где жил зимой 1929 г. после перенесенного им тифа (илл. 23), и обозначил окно в 7-й роте, где жил в последующие два года (илл. 24). Соседями его были заведующий Кримкабом А. Н. Колосов, генерал Осовский – из

⁷⁰ Архитектура Соловецкого монастыря: (альбом репрод. / Г. М. Манизер; текст П. Тельтевского); худож. Г. М. Манизер. М., 1969. (Памятники древнего зодчества). Эта книга с заметками Д. С. Лихачева о Соловецком лагере хранится в Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома.

Я не помню точно - когда привезли
 Анисимова на Соловки. Знаю только, что
 его удалось «спасти» из пересыльного пунк-
 та и устроить работу в Музей к
 Николаю Николаевичу Виноградову. Конечно, в
 Музей науки действительно неضرблено!
 Ми приходили ^{на Александра Ивановича} посмотреть; он
 был удивительно спокоен, розов, недро-
 гив, немного бархатен.

Илл. 25. Фрагмент очерка Д. С. Лихачева о реставраторе
 А. И. Анисимове. 1971 г.

византийского рода Палеологов («претендент на Греческий престол», как в шутку говорили о нем сокамерники), барон фон Дистерло, Б. Н. Афинский и Федор Розенберг.

В 1971 г. Дмитрий Сергеевич вместе с Зинаидой Александровной провели месяц в Коктебеле, где М. С. Волошина читала им наизусть поэму Максимилиана Волошина о Владимирской иконе Божией Матери, посвященную реставратору А. И. Анисимову. По возвращении из Коктебеля Д. С. Лихачев написал очерк о пребывании А. И. Анисимова на Соловках (илл. 25).

Во второй половине 1970-х гг. он пишет целую серию очерков о разных сторонах лагерной жизни: «Школа смелости», «Соловецкий “Страшный сон”», «Ю. Казарновский», «Малютка Фелибер», «О расстреле 28 октября 1929 г.», «Сыпной тиф», «Женщины из Женбарака», «Вещи», «Клопы», «О вшах», «Возвращение». Большинство из этих очерков так и остались неопубликованными.

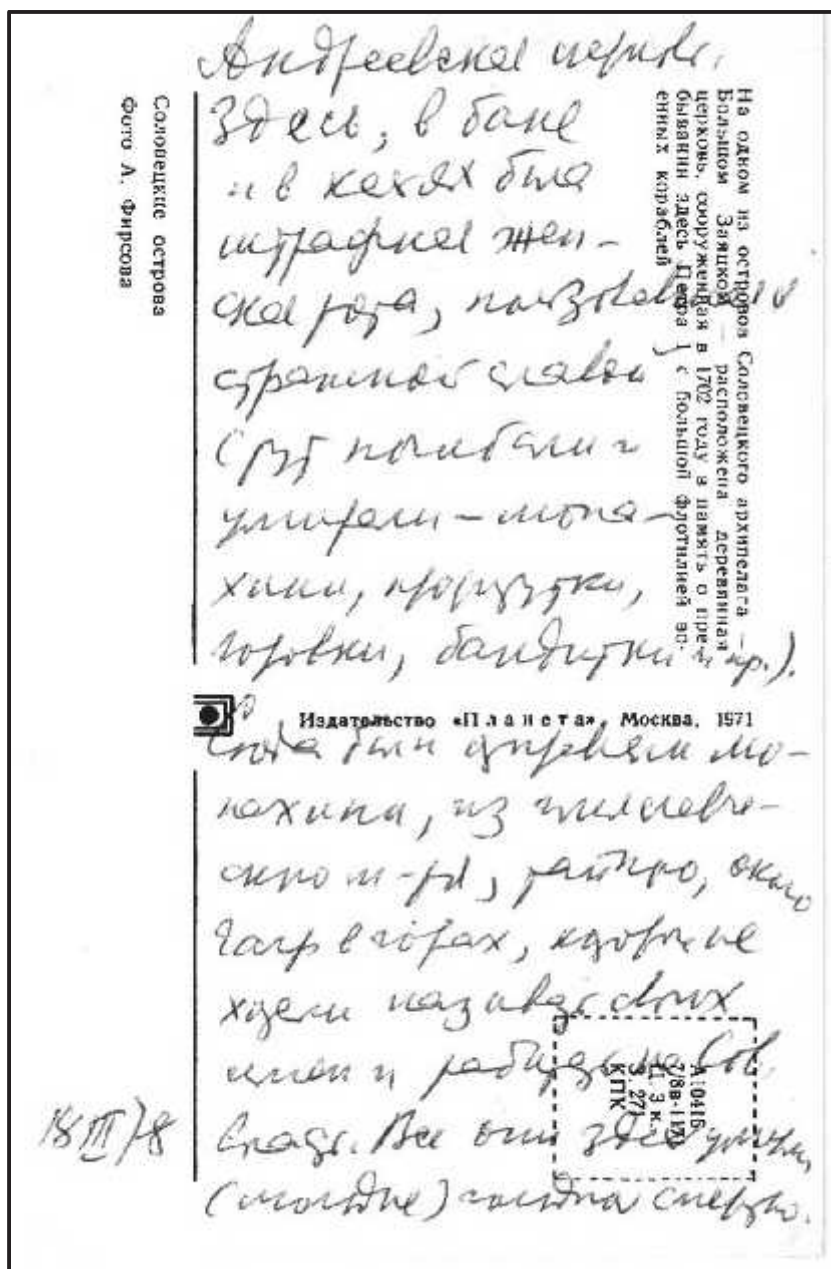
Илл. 26. Варлаам Шаламов

20 сентября 1979 г. Д. С. Лихачев пишет письмо поддержки Варлааму Шаламову, находившемуся в доме инвалидов Литфонда (илл. 26). В этом же письме он говорит и о своем долге памяти перед «соотечественниками» по Соловецкому лагерю: «Дорогой Варлам Тихонович, захотелось написать Вам. Просто так. У меня тоже был период

в жизни, который я считаю для себя самым важным. Сейчас уже никого нет из моих современников и «соотечественников». Сотни людей слабо мерцают в моей памяти. Не будет меня, и прекратится память о них. Не себя жалко – их жалко. Никто ничего не знает. А жизнь была очень значительной. Вы другое дело. Вы выразили себя и свое».⁷¹

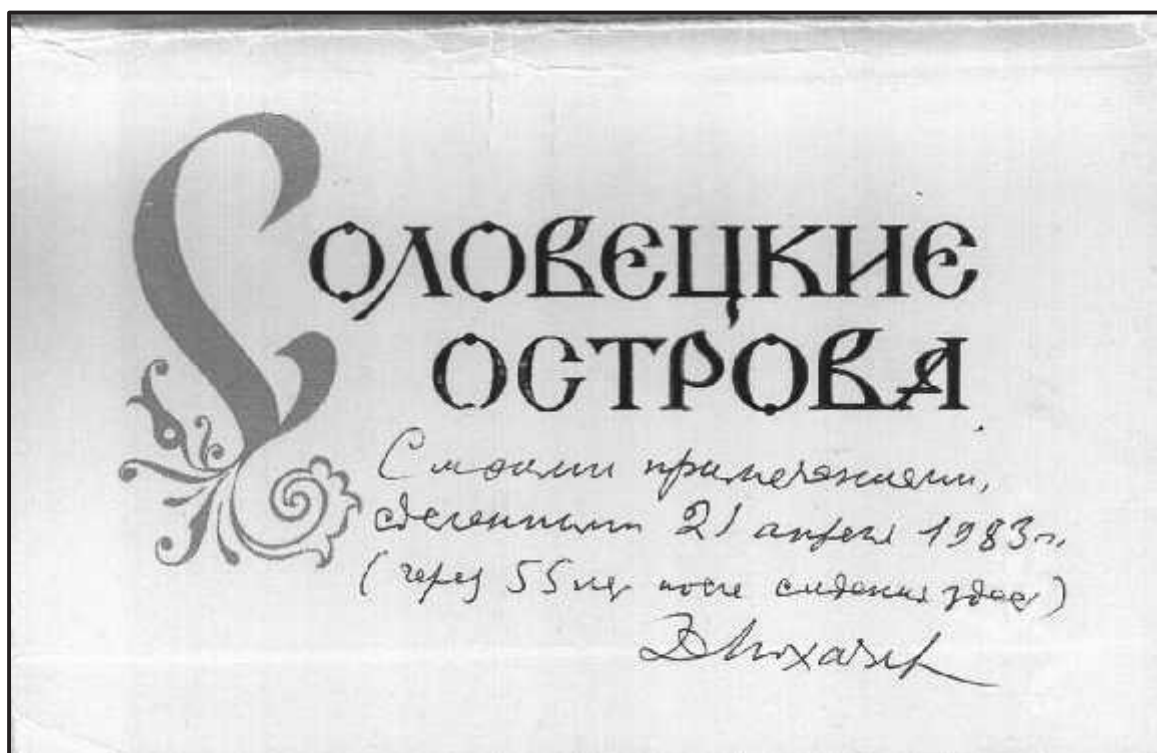
В 1978 г. Д. С. Лихачев создал новый «цикл» заметок по лагерной «топографии» на комплекте открыток с видами Соловков. Среди них и такая: «Андреевская церковь. Здесь, в бане и в кельях была штрафная женская рота, пользовавшаяся страшной славой (тут погибали и умирали – монахини, проститутки, воровки, бандитки и пр.). Сюда были отправлены монахини из имяславинского монастыря, тайного, около Гагр в горах, которые не хотели называть своих имен и работать на Советскую власть. Все они здесь умерли (молодые) голодной смертью» (илл. 27).

⁷¹ РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 330. Л. 1. Цитата из письма к Варлааму Шаламову приведена в статье: Бронникова Е. В. Эпистолярное наследие Д.С. Лихачева в фондах Российского государственного архива литературы и искусства // Археографический ежегодник за 2006 г. М., 2011. С. 350.

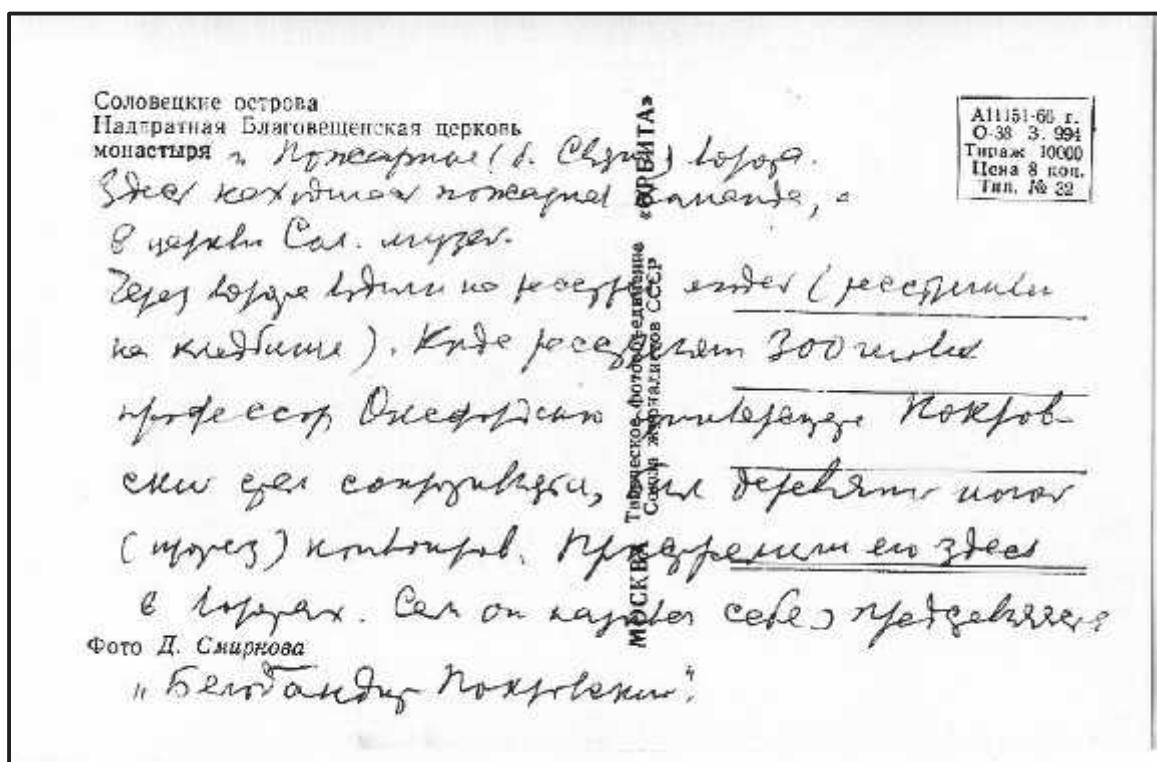

Илл. 27. Заметки Д. С. Лихачева о Соловецком лагере на открытках с видами Соловков. 1978 г.

В 1983 г. аналогичные записи Д. С. Лихачев делает на другом комплекте открыток (илл. 28). Приведем для примера две из них. Первая: «Надвратная Благовещенская церковь и Пожарные (бывшие Святые) ворота. Здесь находилась пожарная команда, а в церкви Сол. музей. Через ворота водили на расстрел людей (расстреливали на кладбище). Когда расстреляли 300 человек, профессор Оксфордского уни-

Илл. 28. Заметки Д. С. Лихачева о Соловецком лагере
на комплекте открыток. 1983 г.

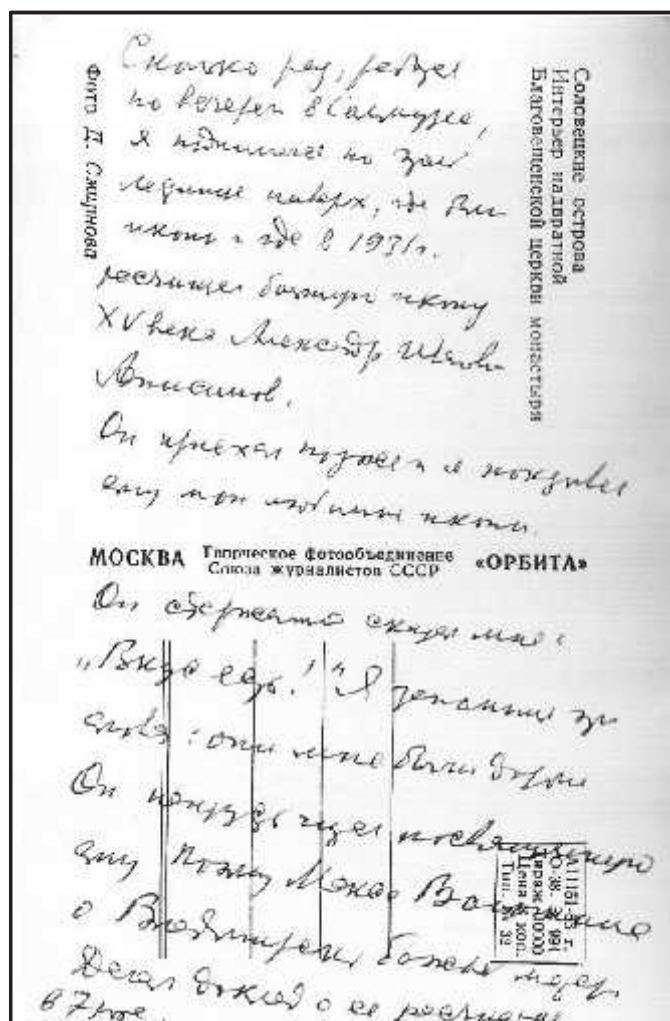

Илл. 29. Заметка о профессоре Оксфордского университета
«белобандите Покровском»

верситета Покровский стал сопротивляться, бил деревянной ногой (протез) конвоиров. Пристрелили его здесь в воротах. Сам он называл себя, представляясь, «Белобандит Покровский»» (илл. 29).

Другая запись связана с воспоминанием Д. С. Лихачева о знакомстве с художником-реставратором А. И. Анисимовым: «Сколько раз, работая по вечерам в Солмузее, я поднимался по этой лестнице наверх, где были иконы и где в 1931 г. расчищал большую икону XV века Александр Иванович Анисимов. Он приехал позже, и я показывал ему мои любимые иконы. Он сдержанно сказал мне: «Вкус есть!» Я запомнил эти слова: они мне были дороги. Он наизусть читал посвященную ему поэму Макса Волошина о Владимирской Божьей Матери. Делал доклад о ее расчистке в 7 роте» (илл. 30).

В 1983 г. Д. С. Лихачев встретился с приехавшей из Архангельска К. П. Гемп и записал ее рассказ о пребывании на Соловках отца Павла Флоренского и об обстоятельствах его гибели.⁷²

Илл. 30. Заметка Д. С. Лихачева о реставраторе А. И. Анисимове

⁷² Запись этого рассказа, больше тяготеющего к легенде, свойственной фольклору, хранится в архиве Д. С. Лихачева (ИРЛИ. Ф. 769).

В 1984 г., в 52-ю годовщину освобождения из лагеря (8 августа 1932 г.), он нашел и отредактировал свое юношеское стихотворение «Тризна», написанное в стиле поэтического речетворчества, свойственном эпохе Серебряного века.⁷³

В 1988 г. Д. С. Лихачев принимал участие в съемках фильма «Власть Соловецкая» (реж. М. Голдовская). Во время съемок фильма Ю. А. Бродский дал ему для прочтения самиздатовскую копию книги Бориса Ширяева «Неугасимая лампада» (Нью Йорк, 1954). Читая ее, Д. С. Лихачев сделал на полях книги целый ряд комментариев, посвященных Соловецкому лагерю.⁷⁴

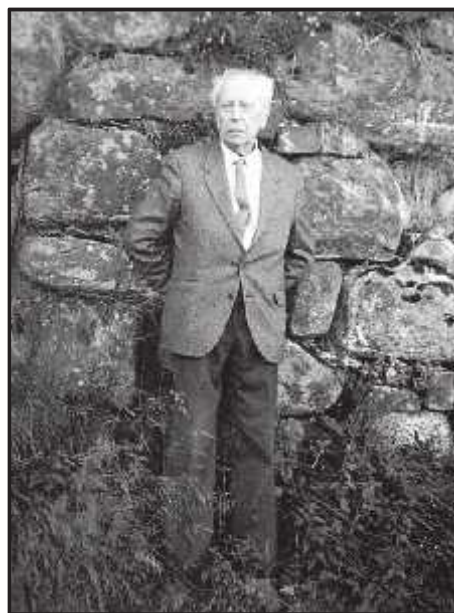
Но горькое чувство последнего свидетеля ушедшего века не покидало его. Летом того же года Д. С. Лихачев посещает Соловки с группой режиссера В. Б. Виноградова для съемок фильма «Я вспоминаю...». После этой, казалось бы, удачно сложившейся поездки у него все же остается иное чувство – неумолимо надвигающейся энтропии, всеразрушающей силы времени: «Все было удачно. Милая дружная съемочная группа молодежи, чудная летняя погода, удачные, как я считаю, съемки. Но Соловки оставили во мне тяжелое впечатление. <...> Соловки-монастырь, Соловки-лагерь, Соловки-тюрьма еще более отступили в царство забвения. Всего один памятник для сотен могил, рвов, ям, в которых были засыпаны тысячи трупов, <...> должен еще более подчеркивать обезличивание, забвение, стертость прошлого. Увы, тут уже ничего не сделаешь» (илл. 31).⁷⁵

⁷³ См.: *Понырко Н. В.* [Воспоминания о Д. Лихачеве] // Дмитрий Лихачев и его эпоха... С. 405.

⁷⁴ Впоследствии Ю. А. Бродский передал этот экземпляр с пометами Дмитрия Сергеевича в дар Фонду имени Д. С. Лихачева. Анализ содержания этих помет посвящена статья отца Вячеслава Умнягина «Лихачев и Ширяев: о рукописных комментариях Лихачева на полях «Неугасимой лампады» в 4-м томе «Воспоминаний соловецких узников» (Соловки, 2016).

⁷⁵ *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 349.

Но, как истинный рыцарь памяти, Д. С. Лихачев не слагает оружия. Несмотря на свой почтенный возраст (82 года), он отдает себе приказание: «Надо призвать свою память, ибо помнить прошлое Соловков стало уже больше некому».⁷⁶ И в последующие полтора года он создает новый обширный очерк воспоминаний о Соловках, который включит впоследствии (в несколько переделанном виде) в книгу «Воспоминаний» (1995). Впервые этот очерк был опубликован в сборнике его работ, названном «Книгой беспокойств» (1991).⁷⁷

Илл. 31. Д. С. Лихачев на Соловках в 1988 г.

В 1989 г. Д. С. Лихачев встретился с племянником Г. М. Осоргина Георгием Сергеевичем Голицыным и рассказал ему об обстоятельствах гибели дяди. К счастью, Г. С. Голицын сделал краткую запись его рассказа, которая затем была опубликована в книге его отца «Записки уцелевшего».⁷⁸

В 1989 г. выходит книга Д. С. Лихачева: «Заметки и наблюдения», в которую он включил краткий очерк «Соловки» (первый печатный вариант его воспоминаний о лагере).⁷⁹

Получив в конце 1990-го г. 9-й номер журнала «Север», всецело посвященный Соловецкому лагерю, Д. С. Лихачев написал 9 страниц поправок и уточнений к опубликованным в нем материалам. 13 января 1991 г. он отправил

⁷⁶ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 349.

⁷⁷ Лихачев Д. Книга беспокойств. М., 1991. С. 94–145.

⁷⁸ Голицын С. М. Записки уцелевшего. М., 1990. С. 429–433.

⁷⁹ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 97–103.

свои поправки в редакцию, поблагодарив ее за «замечательный номер».⁸⁰

В 1991 г. вышли в свет еще две книги Д. С. Лихачева, включающие главы о Соловецком лагере, – «Я вспоминаю» и «Книга беспокойств». В первой он поместил текст своего интервью из фильма В. Б. Виноградова «Дмитрий Лихачев. Я вспоминаю...» (1988) и «Соловецкие записи 1928–1930 гг.» (заметки, сделанные им еще в лагере).⁸¹ Во вторую, как уже было сказано, вошел вновь написанный очерк «На Соловках» (а также публиковавшийся ранее очерк «Соловки»).⁸²

В начале 1992 г. Д. С. Лихачев получил возможность ознакомиться с материалами следственного дела ОГПУ по обвинению в антисоветской деятельности Космической Академии Наук и Братства преп. Серафима Саровского (хранящегося в архиве ФСБ Санкт-Петербурга). Он обнаружил в материалах дела «Тезисы доклада о старой орфографии», написанного им в январе 1928 г., за несколько дней до ареста, и послужившего одним из мотивов для осуждения его на 5-летний срок. В том же году Д. С. Лихачев подготовил к печати книгу «Статьи ранних лет», в которую вошли «Тезисы доклада о старой орфографии», «Соловецкие записи 1928–1930 гг.», «Картежные игры уголовников» (впервые опубликованная в журнале «Соловецкие острова» за 1930, № 1), краткая редакция его воспоминаний о Соловках и еще две научные статьи, посвященные воровской речи (Тверь, 1993).

В начале 1990-х гг. Д. С. Лихачев написал еще целый ряд статей о «людях мысли» Соловков: А. А. Мейере, Ю. Н. Данзас, Г. О. Гордоне и других. Наконец, в 1993 г. в журнале «Наше наследие» вышел полный текст его воспоминаний о Соловецком лагере под названием «Беседы прошлых лет...»

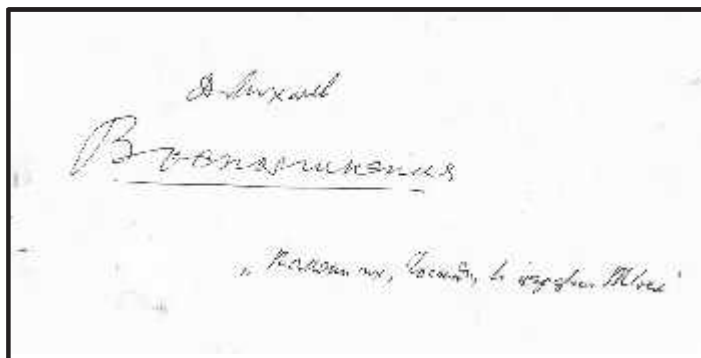
⁸⁰ Лихачев Д. С. В редакцию журнала «Север» // Север. 1991. № 4. С. 99–102.

⁸¹ Лихачев Д. Я вспоминаю. М., 1991. С. 63–94.

⁸² Лихачев Д. Книга беспокойств. М., 1991. С. 94–145.

(Из воспоминаний об интеллигенции 1920-1930-х годов).⁸³

Но долг памяти продолжал жить в его душе и в последующие годы, вновь и вновь побуждая его вспоминать и писать. В 1994 г. он пишет краткий очерк о по-

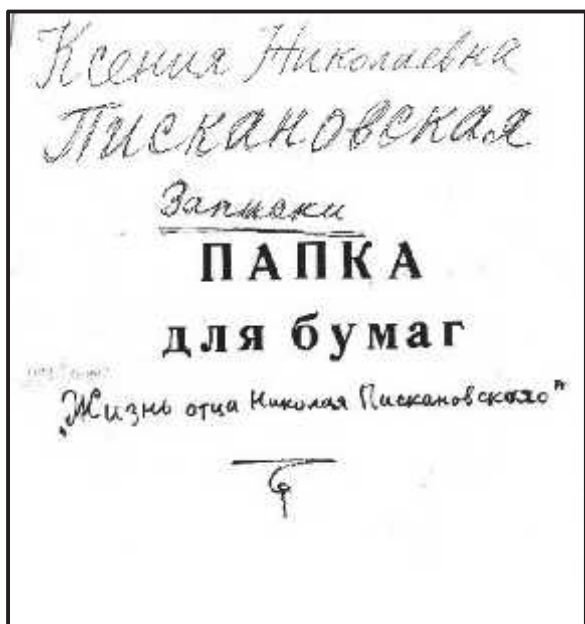
Илл. 32. «Помяни их, Господи, во Царствии Твоем...». Эпиграф к книге «Воспоминаний» Д. С. Лихачева (первоначальный вариант)

эте Владимире Кемецком, с которым он прожил «в одной камере почти два года», и публикует его стихи из сборника, присланного неизвестным дарителем в редакцию журнала «Наше наследие». В конце очерка Д. С. Лихачев признается: «Стихи нашли меня, я верю, по воле Володи. Поэтому я публикую их, как бы прижимая к сердцу».⁸⁴

В 1995 г. вышла большая книга его «Воспоминаний», включавшая, наряду с соловецкими главами, главы о его детстве и школьных годах, о пережитой блокаде и о службе в Академии наук. Эпиграфом к ней послужили слова молитвы: «И сотвори им, Господи, вечную память...» (первоначально Лихачев избрал для эпиграфа другие слова: «Помяни их, Господи, во царствии Твоем», – сохранившиеся в рукописном варианте). Осознавая свое бессилие вспомнить всех, кого он встретил на своем пути, Д. С. Лихачев смиренно препоручает их памяти Божией, увенчивая книгу этим просветленным эпиграфом (илл. 32).

⁸³ Лихачев Д. С. Беседы прежних лет // Наше наследие. М., 1993. № 26. С. 33–60; № 27. С. 33–59. Названием послужила строка из стихотворения Пушкина «Чаадаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») (1821).

⁸⁴ Кемецкий В. Из цикла «Каменные стихи» / Публикация Д. С. Лихачева // Мѣра, 1994. № 4. С. 24–29.

Илл. 33. К. Н. Пискановская.
Записки. «Жизнь отца Николая
Пискановского» (Заглавие дано
Д. С. Лихачевым)

* * *

Таким образом, Д. С. Лихачев был не просто летописцем истории Соловецкого лагеря. Пожалуй, в большей степени он был добровольным служителем памяти о своих товарищах. Можно с уверенностью сказать, что исполнение долга памяти было для него главным делом жизни. Особенно это проявилось в его бережном отношении к памяти отца Николая Пискановского и владыки Виктора

Островидова, которым он посвятил в своих «Воспоминаниях» общую главу («Духовенство»). Но и в жизни он проявлял сердечную заботу о дочери отца Николая, Ксении, стараясь оказывать ей всемерную поддержку. Находясь в многолетней переписке с ней, он попросил ее написать о жизни отца Николая и владыки Виктора Островидова после Соловков как можно подробней. В ответ на его просьбу Ксения Николаевна прислала ему два больших письма с рассказами о жизни отца в Архангельске и о приезде к нему владыки Виктора. Эти письма Д. С. Лихачев перепечатал на машинке и дал каждому из них свое название. Первому – «Жизнь отца Николая Пискановского» (илл. 33), второму – «Пискановская о владыке Викторе Островидове» (илл. 34). О жизнеописании отца Николая, присланном его дочерью, он заметил: «Поразительно похоже по сообщаемым фактам и по стилю на «Житие» протопопа Аввакума».⁸⁵

⁸⁵ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 210.

Осознавая свою ответственность как последнего свидетеля ушедшей эпохи, Д. С. Лихачев неустанно заботился о том, чтобы летопись Соловецкого лагеря включала все новые и новые имена. У него было сильное чувство долга, долга памяти. Он не мог примириться с забвением. Он был рыцарем памяти. Борьба с забвением и была краеугольным камнем всей его деятельности в роли летописца Соловков и главным побудительным мотивом к написанию его воспоминаний.

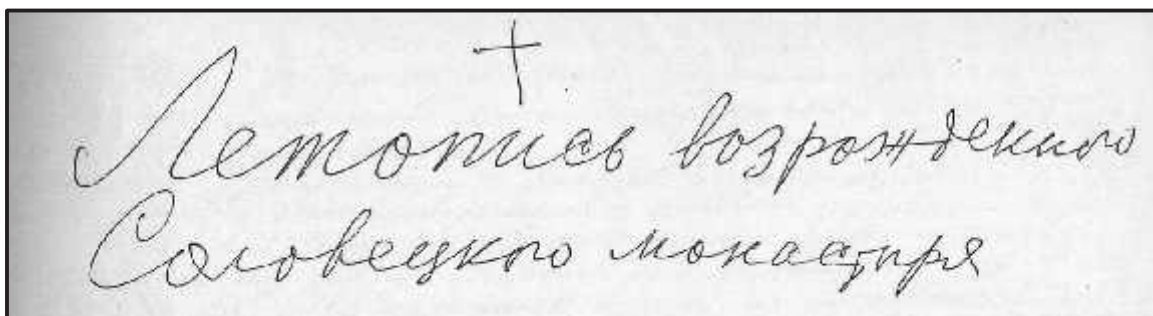
Илл. 34. «Пискановская о владыке Викторе Островидове»
(озаглавлено Д. С. Лихачевым)

Не случайно, наверное, в одной из своих записных книжек Д. С. Лихачев сделал выписку о старике из романа Вальтера Скотта «Old Mortality» (в русском переводе – «Пуритане»), который очищал ото мха могильные плиты, чтобы сохранить от забвения высеченные на них имена.⁸⁶ И сам Д. С. Лихачев боролся с забвением как мог.

* * *

Но думал он не только о прошлом. Не меньшее значение он придавал будущему. В 1990-х гг., вскоре после возобновления монашеской жизни на Соловках, он передал наместнику монастыря архимандриту Иосифу (Братищеву) чистую тетрадь в красивом кожаном переплете, сделав на ней следующую надпись: «Летопись возрожденного Соло-

⁸⁶ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 322.

Илл. 35. Надпись Д. С. Лихачева на подаренной им чистой тетради для продолжения Соловецкого летописца: «Летопись возрожденного Соловецкого монастыря»

вецкого монастыря» (илл. 35). При этом он думал не только о сохранении исторической памяти, но прежде всего – о том особом «вневременном» взгляде на жизнь, который свойственен летописцу. «Память, – писал Д. С. Лихачев, – это не только сохранение прошлого, это забота о вечности».⁸⁷ «Забота о вечности» и была главным делом его жизни.

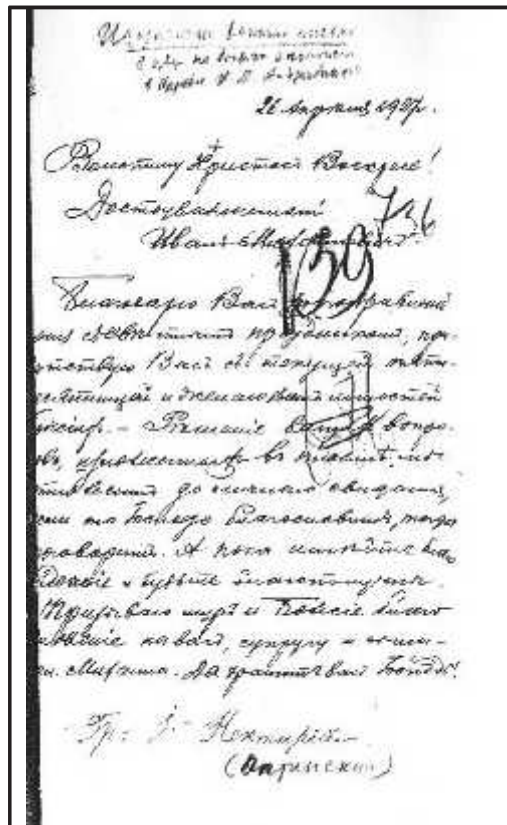
С той поры и поныне новые летописцы Соловецкой обители продолжают вести эту летопись, давно заполнив ее первую – Лихачевскую – тетрадь...⁸⁸

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Приложении публикуем три документа из следственного «дела» ОГПУ (№ 195) 1928 г. об антисоветской деятельности братства преподобного Серафима Саровского и Космической Академии наук. Расшифровки фамилий, сделанные Д. С. Лихачевым на ксерокопиях этих документов в начале 1990-х гг., помещены в квадратные скобки и выделены курсивом.

⁸⁷ Д. С. Лихачев. Образ города // Д. С. Лихачев. Раздумья о России. СПб., 1999. С. 570.

⁸⁸ В 2010 г. был издан особый – фотографически документированный – вариант Соловецкого летописца, посвященный 20-летней истории возрожденного монастыря. См.: Соловки. История. Летопись возрождения: фотоальбом. Изд. Соловецкого монастыря, 2010.

Илл. 36. Послание старца Нектария Оптинского
к И. М. Андреевскому (от 26 апреля 1927 г.)

Послание старца Нектария Оптинского к И. М. Андреевскому (1927 г.)

[Помета Д. С. Лихачева: Исключительно важное письмо в ответ на вопрос о положении в Церкви И. М. Андреевского]

26 Апрелья 1927 г.

+

Воистину Христосъ Воскресе!
Достоуважаемый Иванъ Михайловичъ!

Благодарю Васъ за поздравление меня съ свѣтлымъ праздникомъ; приветствую Васъ съ текущей пятидесятницей и желаю Вамъ милостей Божиихъ. – Решение вашихъ вопросовъ, изложенныхъ въ письмѣ, мы отложимъ до личного свиданія, если то Господь благословитъ, тогда поговоримъ. А пока имѣйте благонадежие и будьте благополучны. Призываю миръ и Божіе благословеніе на васъ, супругу и сына мл. Михаила. Да хранитъ васъ Господь!

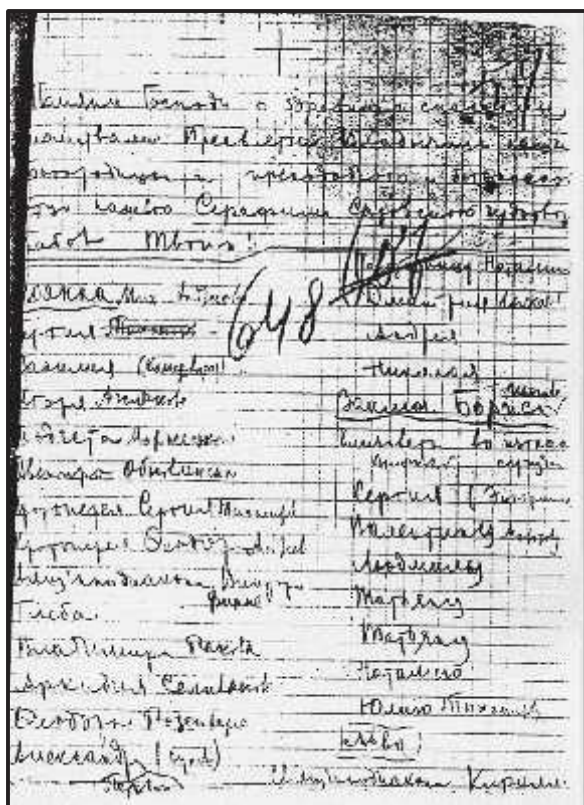
Гр. І. Нектарій.
[Оптинскій]

**Две поминальные записки братства преп. Серафима Саровского,
читавшиеся на молебнах в день памяти преп. Серафима**

Первая поминальная записка

+

Помяни, Господи, о здравии и спасении молитвами Пресвятыя Владычицы наша Богородицы и преподобного и богоносного отца нашего Серафима Саровского чудотворца рабов Твоих:

Илл. 37. Первая поминальная записка братства преп. Серафима Саровского

Иоанна [Мих. Андреевского]
Сергия [Тихомирова]⁸⁹
Василия [Комаровича]
Игоря [Аничкова]
Модеста [Моржецкого]
Авенира [Обновленского]
Протоиерея Сергия [Тихомирова]
Протоиерея Феодора [Андреева]
Священнодиакона Виктора [Финне]
Глеба
Владимира [Ракова]
Аркадия [Селиванова]
Феодора [Розенберга]
Александра [Петровича Сухова]
послушницу Наталию
Дмитрия [Лихачева]
Андрея
Николая
Закл. Бориса [Иванова]
Елизаветы во изгнании сущей
[Аничковой]⁹⁰

⁸⁹ Скорее всего, здесь указано имя другого «Сергия» – С. А. Алексева-Аскольдова, одного из основателей братства преп. Серафима. Имя же протоиерея Сергия Тихомирова стоит ниже (в 7-й строке).

⁹⁰ Елизавета Евгеньевна Аничкова (1894–1940), сестра Игоря Евгеньевича Аничкова, была арестована 30 ноября 1926 г. за сочинение стихов и романа «Опалы» «с неприемлемой для Советской Власти идеологией» (роман посвящен императрице Марии Федоровне). 29 апреля 1927 г. была приговорена к 3-м годам ссылки в Сибирь – в город Киренск. Из ссылки уже не вернулась. Была расстреляна по обвинению в шпионаже в 1940 г.

Сергия [Эйнерлинга]
 Валентину [Морозову]
 Людмилу
 Татьяну
 Татьяну

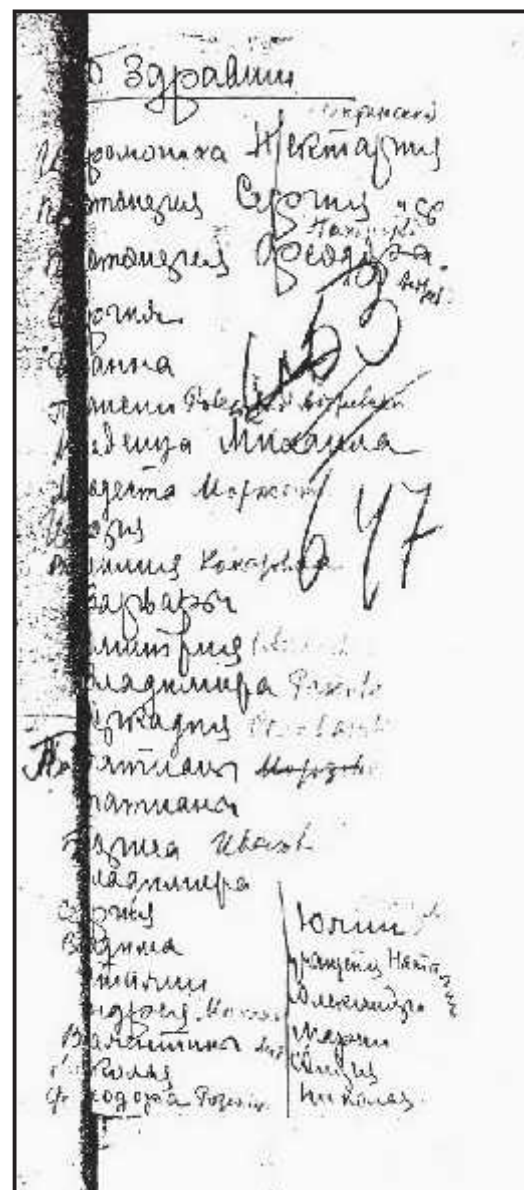
Наталию
 Юлию [Тихомирову]
 Льва
 Священнодиакона Кирилла

Вторая поминальная записка

О здравии

Иеромонаха Нектария [Оптинского]
 Протоиерея Сергия и сродников [Тихомирова]
 Протоиерея Феодора [Андреева]

Сергия
 Иоанна
 Таисии [Робертовны Андреевской]
 Младенца Михаила
 Модеста [Моржецкого]
 Игоря
 Василия [Комаровича]
 Варвары
 Дмитрия [Лихачева]
 Владимира [Ракова]
 Аркадия [Селиванова]
 Татианы
 Татианы
 Бориса [Иванова]
 Владимира
 Сергия
 Вадима
 Наталии
 Андрея [Миханькова]
 Валентины [Морозовой]
 Николая
 Феодора [Розенберга]
 Юлии [Тихомировой]
 учащейся Наталии
 Александра
 Марии
 Андрея
 Николая

Илл. 38. Вторая поминальная записка братства